S 45/693

2433
S 45/693

ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ МѢСТНОЙ РЕФОРМОЙ

Вл. Г.

ВАРШАВА.
ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1887.

Нн 4275.

ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

S 45/693

ВЪ СВЯЗИ

СЪ МѢСТНОЙ РЕФОРМОЙ

Вл. Г.

ВАРШАВА.
ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1887.

Дозволено Цензурою,
Варшава, дня 10 Октября 1887 года.

2007051043

Порвалась цѣпь великая
Порвавшися ударила
Однимъ концомъ по барину
Другимъ по мужику

Некрасовъ.

I.

Великая реформа 19 Февраля 1861 г., даровавшая свободу слишкомъ 20-ти милліонамъ обитателей Россійской Имперіи и надѣлившая ихъ земельной собственностью не нуждается въ панегерикахъ.

Но столь крупный переворотъ въ жизни народа радикально и, можно сказать, внезапно измѣнившій весь общественно правовой порядокъ страны не могъ быть пережитъ ею безъ нѣкоторыхъ дурныхъ послѣдствій. Цѣпь, какъ выразился поэтъ, была тяжелая — тѣмъ сильнѣе былъ ударъ ея, тѣмъ продолжительнѣе его послѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ какъ это ни странно, но до сихъ поръ нетолько дворянство потерпѣло отъ отмѣны крѣпостнаго права, что легко можно было предвидѣть, но наравнѣ съ нимъ во многихъ отношеніяхъ пострадало и крестьянство; единственный же классъ людей, извлекшій огромные денежные барыши изъ совершившагося переворота, состоитъ изъ такихъ нравственно-низкихъ элементовъ, что его возвышеніе является фактомъ чрезвычайно прискорбнымъ.

Крестьянская реформа совершенно измѣнила роли нашихъ сословій, живущихъ на землѣ. При прежнемъ порядкѣ во главѣ стояло дворянство, а подъ нимъ непосредственно находилось крестьянство; третьяго сословія собственно вовсе не существовало. Но появившаяся для всякаго послѣ отмѣны крѣпостнаго права возможность пріобрѣтать земель-

ную собственность, быстро развила классъ землевладѣльцевъ, состоящій изъ мелкихъ купцовъ и разночинцевъ (читай кулаковъ и міроѣдовъ). Лица эти не замедлили воспользоваться смутнымъ переходнымъ состояніемъ коренныхъ сельскихъ сословій и принялись въ мутной водѣ рыбу удить. Уловъ оказался на столько удаченъ, что нынѣ полноправнымъ бариномъ на землѣ очутилось именно это третье сословіе. Крестьяне зачастую лишь перемѣнили хозяевъ, но наиболѣе пострадало безъ сомнѣнія дворянство — этотъ краеугольный камень, по своему аграрно консервативному характеру государственнаго и общественнаго строя.

Крестьянство наше богато надѣленное землей при освобожденіи и не успѣвшее съ тѣхъ поръ настолько численно возрасти, чтобы земли этой было бы недостаточно для его прокормленія, однако по общему и настойчивому отзыву лицъ близко знакомыхъ съ его бытомъ, быстро раззоряется; фактъ чрезвычайно странный и казалось бы необъяснимый. Но кто мало мальски знакомъ съ нашей сельской жизнью не задумается тотчасъ же указать на отсутствіе у насъ сильной авторитетной и бдительной мѣстной власти, какъ на истинную и главную причину этого прискорбнаго явленія.

Крестьяне находившіеся до 19 Февраля 1861 года подъ желѣзной ферулой помѣщичьей власти, но при томъ и подъ ихъ могущественнымъ покровительствомъ отъ всякихъ чужихъ притязаній на ихъ благосостояніе, были освобождены отъ всякаго фактическаго контроля ихъ поступковъ и отношеній къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставлены совершенно беззащитными отъ незаконныхъ вымогательствъ вскорѣ появившихся на сельскомъ горизонтѣ людей не пренебрегающихъ никакими средствами для своего обогащенія.

Правда въ первое время весьма дѣйствительную помощь находили какъ помѣщики, такъ и крестьяне въ Мировыхъ Посредникахъ. Всѣмъ извѣстенъ высокій нравственный уровень этихъ дѣятелей перваго призыва и ихъ живое участіе

къ порученному имъ дѣлу; понятно, что при тѣхъ обширныхъ полномочіяхъ, которыми они были облечены, лица эти имѣли возможность, исполняя свое дѣло добросовѣстно, оказать не малую пользу крестьянскому самоуправленію и имѣть благотворное вліяніе на сельскій бытъ. Но со введеніемъ судебно-мировыхъ учрежденій, ихъ власть значительно умалилась, личный составъ вскорѣ измѣнился къ худшему и они перестали быть дѣятельными охранителями интересовъ сельскаго люда и благочинія. Со введеніемъ же земскихъ учрежденій, на выборномъ началѣ, ихъ число было сначала значительно уменьшено, а затѣмъ должность эта была окончательно упразднена. Но занявшіе ихъ мѣсто Мировые Судьи и по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія смѣнивъ не замѣнили ихъ. Во первыхъ ихъ личный составъ былъ далеко хуже института Мировыхъ Посредниковъ — лучшіе люди провинціи эмигрировали къ этому времени въ столицы — а затѣмъ расчлененіе судебныхъ функцій власти отъ административныхъ и отсутствіе солидарности между ними затормозили ходъ дѣла и повели къ явному пренебреженію закономъ, какъ со стороны крестьянства, такъ и кулачества. Это послѣднее путемъ систематическаго спаиванія и ростовщичества, опутало крестьянство сѣтью денежныхъ обязательствъ. Экономическая кабала, въ которую завлекли сельскій людъ эти новые на землѣ люди, оказалась для нравственности его и матеріальнаго благосостоянія, гораздо болѣе губительной чѣмъ прежняя кабала политическая.

Крестьяне, испытывая незаконныя вымогательства новыхъ собственниковъ земли и никогда не имѣя твердо установившагося чувства уваженія къ законамъ, окончательно потеряли его въ общеніи съ людьми, дѣятельность коихъ основана на хитроумномъ обходѣ ихъ. Полная безнаказанность мелкихъ проступковъ сначала чинимыхъ крестьянствомъ, вслѣдствіе отдаленности всякой дѣятельной власти, придала имъ смѣлость къ совершенію уже болѣе крупныхъ преступленій, въ большинствѣ случаевъ остающихся также

непаказанными. Такіе факты, какъ порубка помѣщичьяго лѣса, потрава луговъ и т. п. сельско-хозяйственные проступки превратились въ обыденныя. Поджоги сдѣлались любимымъ средствомъ часто ни чѣмъ не вызванной мести. Мѣстности, гдѣ въ помѣщичьихъ усадьбахъ въ былое время не знали, что такое замки и запоры, нынѣ на столько изобилуютъ ворами изъ крестьянъ, что приходится принимать крайнія предосторожности для охраненія помѣщичьяго имущества. Нравственность въ деревенскомъ быту также не преминула ухудшиться—пьянство и развратъ повсемѣстны. Мирскіе приговоры и рѣшенія волостнаго суда сплошь основаны на винномъ подкупѣ. Крестьянское общественное самоуправленіе, дѣйствуя безъ всякаго правительственнаго надзора съ каждымъ годомъ ухудшается. Сельскіе сходы и даже волостной судъ неизмѣнно исполняютъ волю богатыхъ членовъ крестьянскаго общества во вредъ обѣднѣвшей части его. Волостной писарь — вотъ современный диктаторъ въ селѣ. Онъ же въ свою очередь зачастую послушное орудіе кабатчика — міроѣда. Рядомъ съ этимъ въ народѣ развилось повальное не соблюденіе договоровъ о наймѣ на сельскія полевыя работы, крайняя недобросовѣстность при ихъ исполненіи, а въ послѣднее время и неисправность во взносѣ платежей за арендуемую ими землю, и накопленіе вслѣдствіе этого огромныхъ недоимокъ.

Неисчислимы однимъ словомъ гибельныя послѣдствія отдаленности власти и ея слабаго вліянія на крестьянское общество. Въ виду этого усиленіе и повсемѣстное распространеніе ея дѣятельнаго контроля является настоятельной необходимостью. Но спрашивается, кому можно поручить это важное для народнаго благоустройства дѣло. Неужели чиновникамъ, съ ихъ полнымъ незнаніемъ народнаго быта и бюрократическимъ въ большинствѣ случаевъ отношеніемъ къ дѣлу. Кромѣ того, если предположить, что найдется достаточное количество интелегентнаго чиновничества для занятія этихъ должностей, спрашивается, гдѣ же будутъ они

имѣть свое пребываніе. Осудить ихъ на проживаніе въ селѣ фактически невозможно: охотниковъ найдется черезчуръ мало; дозволить имъ жить въ уѣздномъ городѣ, но тогда они явятся одной лишней заочной властью (а въ нихъ у насъ недостатка нѣтъ) и порядки останутся прежніе.

Между тѣмъ отдаленность власти породила у насъ въ селѣ еще одну современную язву: полуграмотныхъ ходатаевъ по дѣламъ крестьянъ. Эти кляузники всячески подбиваютъ крестьянство на вчинаніе дѣлъ по всякому невыгодному для нихъ или мало мальски спорному обязательству ради полученія извѣстной мзды; начавши дѣло затягиваютъ его для увеличенія получки и такимъ образомъ выжимаютъ изъ невѣжественнаго крестьянина послѣднія его гроши.

Очевидно, что вполнѣ пригодныхъ для упроченія мѣстной власти людей нужно искать среди интелегентнаго мѣстнаго населенія хорошо знакомаго на практикѣ съ деревенскими нуждами. Такими же людьми въ провинціи окажутся исключительно дворяне помѣщики, потому что среди новаго третьяго сословія Г.г. Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, ихъ положительно нѣтъ. Въ этомъ страна могла достаточно убѣдиться за 25 лѣтній періодъ ихъ хищническаго и эксплоататорскаго хозяйничанья.

И такъ дворянство вотъ единственное сословіе, въ которомъ правительство можетъ найдти дѣятельную и разумную опору въ дѣлѣ упорядоченія условій сельскаго быта. 100 т. даровыхъ полиціймейстеровъ по извѣстному выраженію Императора Павла о помѣщикахъ и по нынѣ суть единственныя лица могущія добросовѣстно исполнить эту обязанность въ провинціальной глуши.

Намъ скажутъ, что мы желаемъ возстановленія безапеляціонной помѣщичьей власти уничтоженной манифестомъ 19 Февраля и что въ такомъ случаѣ зачѣмъ было не оставить тогда же за помѣщиками дворянами если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ ихъ вотчинно полицейскихъ функцій. Но мы вовсе не хотимъ воскресить дворянское сво-

еволіе и не находимъ необходимымъ облечь всѣхъ помѣщиковъ дворянъ мѣстной властью, а тѣмъ менѣе предоставить это имъ наслѣдственно; напротивъ пусть Правительство избираетъ изъ нихъ достойнѣйшихъ и имъ поручаетъ эту обязанность, лишь-бы выборъ не былъ основанъ на всесословномъ выборномъ началѣ на которомъ заждутся наши земства,въ несостоятельности коихъ накопились уже многія доказательства. Къ тому же условія нашихъ соціальныхъ отношеній сильно измѣнились съ 1861 года. Мудрено было тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, оставить за помѣщиками патримоніальную власть надъ ихъ бывшими холопами. Всѣмъ извѣстно до какой степени обострились отношенія между этими двумя сословіями ко времени великой реформы. Во многихъ мѣстностяхъ крѣпостные къ сожалѣнію не безъ основанія смотрѣли на помѣщиковъ какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ. Съ другой стороны и помѣщики не безъ озлобленія покорились совершившемуся въ ихъ жизни перелому. При такихъ условіяхъ оставить за ними нѣкоторыя вотчинныя права было бы далеко неблагоразумно, ибо крестьяне, безъ сомнѣнія, всячески старались бы освободиться отъ всякой зависимости по отношенію къ своимъ бывшимъ господамъ; съ другой стороны и помѣщики не легко бы помирились съ этимъ уменьшеніемъ ихъ власти и видѣли бы въ оставленныхъ за ними правахъ волосокъ за который все можно повернуть при нѣкоторомъ умѣніи на старый ладъ. Идея личной свободы была столь чужда дворянамъ въ примѣненіи къ ихъ холопамъ, что они не замедлили бы съ мѣста начать ту процедуру закрѣпощенія крестьянъ, которая сдѣлала изъ указа объ прикрѣпленіи къ землѣ (отмѣнѣ Юрьева дня Бориса Годунова) указъ объ отнятіи личной свободы у прикрѣпленныхъ. Но времена были уже не тѣ; народъ былъ достаточно развитъ, чтобы отстоять свою свободу и посему такой порядокъ повлекъ бы за собой лишь еще большій антагонизмъ этихъ сословій.

Иное дѣло теперь. За истекшую четверть вѣка, на-

родъ на опытѣ убѣдился, что во многихъ отношеніяхъ жилось ему легче во власти помѣщиковъ, чѣмъ въ зависимости отъ кулаковъ и міроѣдовъ. Со способностью же людей, особенно въ пожилые годы прикрашивать въ воспоминаніяхъ прошедшее, въ крестьянствѣ уже часто слышатся похвалы доброму старому времени и бывшая вражда къ помѣщикамъ совершенно потухла въ народѣ. Съ своей стороны и помѣщики уже достаточно свыклись съ новыми порядками и самые ярые крѣпостники нынѣ принуждены сознаться если не во вредѣ, то по крайней мѣрѣ, въ невозможности возвращенія къ прежнему общественному строю.

Духъ времени заставляетъ все болѣе отказываться отъ прежнихъ принциповъ и вообще надо сказать, что если интелигентные слои русскаго общества нравственно не улучшились, то по крайней мѣрѣ общественное мнѣніе сдѣлалось строже. Многое, что прежде не только постоянно дѣлалось, но даже не скрывалось, теперь совершенно немыслимо вслѣдствіе усилившагося общественнаго суда, который, благодаря развившейся гласности, сдѣлался и вліятельнѣе и, если можно такъ выразиться, распространеннѣе, проникая во всѣ общественныя дѣйствія человѣка.

И такъ по нашему мнѣнію, не даромъ прошли эти двадцать пять лѣтъ: они были какъ бы чистилищемъ для во многомъ прегрѣшившаго передъ крестьянствомъ дворянства, уничтожившимъ многія его дурныя качества и отторгнувшимъ отъ него наиболѣе слабыхъ нравственно членовъ. Тѣ отношенія, которыя немыслимо было учредить тогда, теперь вполнѣ возможны. Цѣпь порвалася, но разсторгнутыя сословія почувствовали всю взаимную невыгодность ихъ обособленнаго положенія, и вотъ теперь то настало время вновь связать ихъ но уже узами понятыхъ общихъ интересовъ, а не прежнею цѣпью, одинъ конецъ которой былъ надѣтъ на шею крестьянина, а другой находился въ рукѣ помѣщика, вольнаго ее всегда не только бросить но даже передать въ другія руки, (какъ это сплошь и рядомъ бывало въ дореформенной Руси,

когда помѣщики передавали всѣ прерогативы своей власти наемнымъ управителямъ или старостамъ). Сплотившись противъ общаго врага помѣщики дворяне облеченные извѣстными прерогативами власти сдѣлаются естественными защитниками интересовъ крестьянства, которые во многомъ солидарны съ ихъ собственными, отъ хищническихъ покушеній нашего третьяго сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ водворителями прежней тишины и спокойствія въ деревенской жизни.

Это повидимому и входитъ въ намѣреніе правительства, ибо, какъ мы слышали, именно на этихъ основаніяхъ предположено учредить институтъ земскихъ начальниковъ, положеніе о коихъ должно обсуждаться въ нынѣшней осенней сессіи Государственнаго Совѣта. И такъ весь вопросъ сводится къ тому выполнима ли эта мѣра, не встрѣтитъ ли она непреодолимыхъ препятствій, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ за отсутствіемъ достаточнаго количества достойныхъ помѣщиковъ, вслѣдствіе быстрой ликвидаціи дворянскихъ помѣстій и абсентеизма большинства тѣхъ дворянъ, которые еще сохранили свои вотчины.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и представить нынѣшнее положеніе дворянскаго землевладѣлія въ Россіи.

II.

Дворянское оскудѣніе подвигается такими гигантскими шагами, что оно привлекло всеобщее вниманіе: даже недруги этого сословія сознаютъ безпомощность его настоящаго положенія и анормальность этого факта. Если крестьянство за послѣднія десятилѣтія особенно потерпѣло морально,

нравственно, то дворянство потерпѣло матеріально; и это вполнѣ понятно: крестьянству по освобожденіи пришлось бороться лишь съ мелкимъ купечествомъ и вышедшимъ изъ его же среды кабатчикомъ — міроѣдомъ, а при этомъ владѣетъ оно въ огромномъ большинствѣ случаевъ земельною собственностью не отчуждаемою, вслѣдствіе преобладанія у насъ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, а по сему и выжимаются изъ него лишь его доходы и движимое имущество. Дворянство же представляло лакомый кусокъ несравненно большему количеству людей, а владѣнія его легко мобилизировались. На него сразу ополчились нѣсколько сословій. Съ одной стороны пришлось ему имѣть дѣло съ крестьянствомъ, хорошо понявшимъ, что не оно нынѣ находится въ рукахъ помѣщиковъ, а на оборотъ эти послѣдніе во многомъ зависятъ отъ нихъ и не замедлившемъ воспользоваться этимъ для повальнаго несоблюденія договоровъ о наймѣ и порадѣнія въ полевыхъ работахъ, что содѣлало сельское хозяйство для помѣщика дворянина не только постылымъ но и убыточнымъ. Съ другой стороны на него же старались накинуть свои сѣти и кулачество владѣвшее мелкимъ капиталомъ и даже крупные капиталисты. Земельные банки, надѣвшіе личину благодѣтелей, въ сущности оказались злѣйшими врагами русскаго помѣстнаго дворянства.

Тогда какъ на западѣ въ Германіи напримѣръ освобожденіе крестьянства происходило постепенно въ теченіи полутораста лѣтъ, причемъ крестьяне были сначала освобождены лично безъ всякаго надѣла землей и лишь затѣмъ было приступлено къ выкупной операціи земли ими искони обрабатываемой, у насъ эта крупная реформа произошла внезапно, сразу порвавъ всю связь между дворянствомъ и крестьянствомъ. Поэтому въ западныхъ европейскихъ государствахъ крестьянство продолжало еще послѣ надѣленія его правами гражданственности быть фактически въ прежней кабалѣ вслѣдствіе его хозяйственной зависимости, а дворянство могло мало по малу приноровиться къ новому порядку

хозяйничанья, и постепенно замѣнить даровой трудъ наемнымъ *).

Антагонизмъ между этими двумя сословіями существовалъ несомнѣнно и на западѣ пожалуй еще въ большей мѣрѣ чѣмъ у насъ, но связь между ними и по сіе время не порвана, исключая республиканской Франціи, гдѣ мѣсто дворянскаго сословія заняла буржуазія, tiers état, скупившая огромныя имущества конфискованныя правительствомъ первой республики у дворянъ эмигрантовъ и духовенства.

Наше помѣстное дворянство принужденное послѣ положенія 19 Февраля круто измѣнить способъ обработки земли вслѣдствіе исчезнувшаго дароваго обязательнаго труда крестьянина, и не владѣя по большей части никакимъ оборотнымъ капиталомъ необходимымъ, что бы замѣнить этотъ трудъ, къ тому же времени лишилось и легкаго государственнаго земельнаго кредита вслѣдствіе закрытія дѣятельности бывшихъ опекунскихъ совѣтовъ. Такимъ образомъ для полученія оборотнаго капитала пришлось обратиться къ частнымъ многопроцентнымъ займамъ. Правда, что правильный земельный кредитъ въ видѣ частныхъ банковъ не замедлилъ появиться на спросъ помѣщиками капитала, но мы уже замѣтили, что эти банки принесли наибольшій вредъ дворянскому землевладѣнію.

Дѣло въ томъ, что помѣщики сразу накинулись на

---

*) Мы отнюдь не приводимъ этого для порицанія этой стороны нашей реформы. Напротивъ, примѣръ Германіи съ его безземельнымъ большинствомъ жителей крайне поучителенъ; онъ ясно показываетъ, что эти двѣ мѣры благодательны лишь примѣненныя вмѣстѣ и не приводятъ ни къ какимъ результатамъ вводимыя отдѣльно. Мы лишь хотимъ показать, почему на западѣ дворянское землевладѣніе не испытало кризиса подобнаго нынѣ переживаемому русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ.

этотъ кредитъ, позаложили свои угодья, и первое время дѣла пошли какъ бы лучше, но, увы, не на долго. Помѣстья у насъ закладывались главнымъ образомъ въ урожайные годы вызванные поднятіемъ въ это время необъятныхъ дѣвственныхъ полей нашей черноземной полосы и притомъ когда цѣна на сельскіе продукты значительно повысилась; неудивительно, что земельная рента вслѣдствіе этого необыкновенно поднялась, а въ связи съ этимъ и цѣнность самой земли увеличилась. Въ зависимости отъ этого ссуды подъ нее выдаваемыя были весьма высокіе; но урожайные годы прошли, цѣны на хлѣбъ понизились, вслѣдствіе сильной конкуренціи Американскаго хлѣбнаго рынка, а плата за сельскія работы все увеличивалась при уменьшавшейся исправности въ ихъ исполненіи. Вслѣдствіе этого процентъ, который еще возможно было кое какъ уплатить при прежнихъ условіяхъ, превышаетъ нынѣ во многихъ мѣстностяхъ доходность земли. Для уплаты этихъ процентовъ хозяйство обязательно дѣлается хищническимъ, но изнуряемая ежегодно земля даетъ все меньшій и меньшій урожай, и наконецъ высосать изъ нея требуемую для уплаты процентовъ сумму становится совершенно невозможнымъ; помѣстье продается съ аукціона, случается за сумму низшую, чѣмъ выданный подъ нее залогъ и единственнымъ результатомъ является изнуреніе почвы.

Такимъ образомъ теряютъ всѣ, теряетъ землевладѣлецъ, теряетъ и капиталистъ. Естественное же богатство страны, ея производительность значительно уменьшается. Происходитъ какое-то взаимное самопстребленіе тѣмъ болѣе губительное, что оно неминуемо должно отразиться нетолько на настоящемъ, но и на будущемъ благосостояніи страны. Капиталъ, нынѣ поглощенный землей подъ ея залогъ, разсыпался на микроскопическія части и потерялъ вслѣдствіе этого всякую производительную силу, а между тѣмъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ существуютъ еще въ нѣдрахъ ея земли неисчислимыя богатства, либо

вовсе не разработываемыя, либо добываемыя исключительно силою иностранныхъ капиталовъ. Наши капиталисты вслѣдствіе возможности помѣстить свои фонды подъ залогъ земельной собственности при вѣрномъ въ большинствѣ случаевъ обезпеченіи и съ высокими процентами, совершенно утратили охоту къ предпріятіямъ сопряженнымъ съ нѣкоторымъ рискомъ и необходимостью лично трудиться. Капиталовъ у насъ еще недостаточно много, чтобы приходилось искать для нихъ помѣщенія. Спросъ на нихъ подъ высокіе проценты еще значительно больній чѣмъ предложеніе, но къ сожалѣнію требуются они весьма часто не для фабричной, заводской или горно-промышленной дѣятельности, а просто для прожиганія ихъ; фактъ-чрезвычайно грустный, но вполнѣ удостовѣренный.

И такъ мы утверждаемъ, что банки играютъ важную роль въ дѣлѣ оскудѣнія помѣстнаго дворянства. Многіе землевладѣльцы не рѣшились бы продать своихъ имѣній, но заложить ихъ они считали дѣломъ выгоднымъ и полезнымъ; они не соображали, что если не всѣ, то большую часть своихъ доходовъ имъ придется отдать тѣмъ же банкамъ въ видѣ процентовъ за занятый капиталъ и плѣнились возможностью занять деньги безъ отдачи ихъ заразъ полною суммой вслѣдствіе постепеннаго погашенія; банки же съ своей стороны старались дѣло представить такимъ образомъ, какъ будто они народились исключительно съ цѣлью облагодѣтельствовать землевладѣльцевъ и что выдаваемыя ими ссуды чуть-ли не подарки г.г. залогодателямъ. Въ этомъ отношеніи первенствующую роль играетъ безъ сомнѣнія Общество взаимнаго поземельнаго кредита.

Къ сожалѣнію не существуетъ, насколько намъ извѣстно, никакихъ статистическихъ данныхъ о проданныхъ съ аукціона банками заложенныхъ имѣніяхъ. Но впрочемъ, если и можно было бы собрать свѣдѣнія о количествѣ подобныхъ продажъ, то все же оно было бы значи-

тельно меньшее противъ дѣйствительнаго числа погибшихъ отъ залога имѣній, такъ какъ многіе владѣльцы, не допуская дѣло до аукціона, старались раньше сами продать имѣніе, хотя бы за безцѣнокъ, лишь бы спасти какія нибудь крохи. Обыкновенно такой продажѣ предшествуетъ залогъ помѣстія подъ вторую закладную въ частныя руки, при чемъ этотъ залогопріниматель уже навѣрно является будущимъ обладателемъ его. И тутъ конечно владѣлецъ имѣнія чуя близкій крахъ, старался извлечь изъ земли все, что она можетъ дать, нисколько не заботясь объ ея будущей плодородности. Между тѣмъ огромное количество имѣній постоянно предлагаемыхъ къ покупкѣ породило у насъ нигдѣ не виданный классъ людей торгующій землей—покупающій и продающій ее, выжимая въ промежуткѣ всѣ ея соки и срубая лѣса. Однимъ словомъ земля сдѣлалась предметомъ спекуляціи.

И такъ вредъ нанесенный банками необъятенъ. Не только усердными помощниками дворянскаго оскудѣнія были они, но и причиной изнуренія почвы. Въ прежнее время помѣщикъ хотя бы нѣсколько состоятельный, не имѣлъ надобности насиловать землю, чтобы извлечь изъ нея непремѣнно опредѣленную сумму денегъ. Въ неурожайные года онъ лишь сокращалъ свои расходы, что ему было тѣмъ легче, что живя на землѣ, продукты первой необходимости онъ всегда имѣлъ свои и посему жестокой нужды никогда не терпѣлъ. Иное дѣло имѣніе заложенное, урожай или неурожай, а процентъ по ссудѣ остается неизмѣннымъ, и помѣщику приходится насиловать землю, требовать отъ нея больше чѣмъ она можетъ дать, или входить въ новые уже частные долги съ чрезвычайно высокими процентами. Наше правительство принуждено было придти на помощь дворянскому землевладѣнію и открыло государственный дворянскій земельный банкъ съ пониженнымъ процентомъ, но къ сожалѣнію эта мѣра была принята чрезчуръ поздно и не въ состояніи спасти нынѣ большинство

заложенныхъ помѣстій. Задолженность землевладѣльцевъ настолько велика, что вывести ихъ изъ бѣды этимъ невозможно и дальнѣйшій переходъ земель изъ дворянскихъ рукъ къ кулакамъ аферистамъ неминуемъ. Не говоря уже про должниковъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита замапившаго въ свои сѣти, несмѣтное число землевладѣльцевъ и самоуправно запретившее выходъ изъ его зависимости: участь этихъ помѣщиковъ ни чемъ не смягчена учрежденіемъ дворянскаго банка.

На сколько велика задолженность имѣній можно судить по слѣдующимъ даннымъ: къ 1-му Января 1884 года сумма ссудъ выданныхъ поземельными банками достигла 417 милліоновъ руб. подъ залогъ 22 мил. десят. Изъ этой суммы 187 милліоновъ было выдано обществ. взаимп. позем. кред. подъ зологъ 7,300,000 десят. Кромѣ того оставалось не выплаченнаго долга сохранной казнѣ, 23 $^1/_2$ милліона руб. подъ залогъ 6 $^1/_2$ мил. десят. Съ тѣхъ поръ цифры эти несомнѣнно еще увеличились, ибо однимъ дворянскимъ банкомъ было выдано ссудъ къ 1-му Января 1887 года, за полтора года его существованія 80 мил. рублей*). Ко всему этому нужно еще прибавить частныя долги лежащіе на помѣстьяхъ: сумма ихъ совершенно неопредѣлима.

Удѣльное вѣдомство завалено просьбами дворянъ о пріобрѣтеніи ихъ имѣній въ удѣлы и конечно оно не можетъ удовлетворить и десятой доли этихъ просьбъ. При такихъ условіяхъ единственнымъ исходомъ намъ кажется покупка заложенныхъ имѣній казной для обращенія въ казенныя имущества, которыя затѣмъ могли бы быть мало по малу продаваемы крестьянамъ и дворянамъ. Въ про-

---

*) Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ соч. Я. Сербиновича. Поземельный Кредитъ, его прошлое, настоящее и будущее, С.-Пет. 1887 г.

тивномъ случаѣ огромному количеству дворянскихъ помѣстій грозитъ переходъ черезъ все уничтожающее горнило хищническаго хозяйничанья нашего торговаго сословія, примѣняющаго къ земельной собственности принципы торговаго дѣла.

Не менѣе дѣятельнымъ факторомъ быстраго перехода дворянскихъ помѣстій въ руки другихъ сословій была безъ сомнѣнія личная расточительность ихъ владѣльцевъ. Привыкши въ теченіи многихъ столѣтій, лежа на боку, загребать жаръ чужими руками, они оказались въ большинствѣ случаевъ совершенно несостоятельными бороться съ новыми условіями жизни; не пожелали они, въ виду кризиса переживаемаго дворянскимъ землевладѣніемъ сократить свои расходы въ сообразность съ уменьшившимся приходомъ, не съумѣли они путемъ усиленнаго труда и пріобрѣтенія необходимыхъ познаній примѣниться къ новому способу хозяйничанья. Выбитые изъ колеи мирно текущей ихъ жизни, они пустились въ какую-то безъумную оргію прожиганія имуществъ, вѣками накопленныхъ ихъ дѣдами и прадѣдами. Выкупныя свидѣтельства почти всецѣло были безалаберно истрачены, частью на покупку необходимыхъ будто-бы, но дорого стоющихъ сельскихъ орудій, которыя часто не были употребляемы вслѣдствіе неумѣнія съ ними обращаться, частью просто расточительно прожиты.

Со времени крестьянской реформы началась у насъ и усиленная отдача земель въ аренду, какъ послѣдствіе отсутствія помѣщиковъ изъ своихъ помѣстій и невозможности заочнаго управленія. При измѣнившихся условіяхъ помѣщичья жизнь въ деревнѣ потеряла много своихъ прелестей и сдѣлалась подъ часъ весьма тягостной; напротивъ, жизнь въ столицѣ все болѣе оживлялась и манила своими удовольствіями. Переселялись изъ деревни въ городъ не только крупные и средніе помѣщики но даже и мелкіе, испытывая всѣ трудности обработки земли при новыхъ порядкахъ и предпочитая отдать ихъ въ аренду, что бы затѣмъ безъ труда получать опре-

дѣленный доходъ. И странное дѣло, тѣ помѣщики которые оставались на своей землѣ и продолжали вести собственное хозяйство скорѣе разорялись, чѣмъ тѣ которые отдавали свои помѣстья въ аренду и покидали ихъ. Этотъ фактъ прямо указываетъ насколько раціональное хозяйство мудрено вести при нынѣшнихъ условіяхъ, а возможно лишь хищническая культура арендатора. Такимъ образомъ съ одной стороны переѣздъ изъ деревни въ городъ принуждалъ помѣщика сдавать свои помѣстья въ аренду, а съ другой стороны сдача земли въ аренду вслѣдствіе огромныхъ хлопотъ сопряженныхъ съ ея хозяйственной обработкой лишала помѣщика всякаго занятія въ деревнѣ и изгоняла его въ городъ, гдѣ если занятіе можетъ быть было еще меньше, но развлеченій за то несравненно больше.

И такъ абсентеизмъ и арендованіе земель явились двумя взаимодѣйствующими силами. Но какъ одно такъ и другое крайне дурно отражается на культурѣ почвы. Арендные контракты у насъ весьма краткосрочны часто не превышая одного сѣвооборота при трехпольной системѣ, т. е. трехъ лѣтъ, а въ большинствѣ случаевъ ограничиваясь однимъ годомъ. Между тѣмъ успѣхи земледѣлія требуютъ, что бы земля какъ можно рѣже мѣняла своихъ владѣльцевъ, а таковыми являются на срокъ контракта арендаторы ея. Арендованіе земель столь распространено у насъ, что даже породило съемщиковъ земли оптомъ, людей происходящихъ изъ торговой среды, почти сплошь еврейскаго происхожденія въ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Понятно, что этимъ лицамъ безразлична была будущая производительность снимаемыхъ ими земель. Всѣ ихъ усилія были обращены къ извлеченію какъ можно большаго дохода въ наикратчайшій періодъ времени. Часто эти съемщики земель оптомъ были лишь посредниками между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Арендуя землю у помѣщиковъ они ее затѣмъ переарендовывали крестьянамъ по маленькимъ участкамъ въ тридорога, лишая такимъ

образомъ тѣхъ и другихъ значительной части ихъ доходовъ.

Спрашивается, почему же помѣщики не сдавали своихъ земель въ аренду непосредственно крестьянамъ, что, казалось было бы имъ гораздо прибыльнѣе. Этому препятствовали двѣ причины: во первыхъ необходимость присутствія владѣльца на своей землѣ, для распредѣленія своихъ земель по малымъ участкамъ между крестьянами, во вторыхъ, и это главное, необезпеченность взноса крестьянами арендной суммы; иное дѣло кулакъ купецъ, онъ съумѣетъ всякими правдами и неправдами выжать изъ крестьянина слѣдуемую ему плату, пуская въ ходъ такія средства, которыми дворяне помѣщики нежелали, да къ тому же и не могли пользоваться.

Такимъ образомъ, отсутствіе помѣстной власти, повліяло и на абсентеизмъ помѣщиковъ и на сдачу ими земель въ аренду. Жизнь же въ городѣ еще болѣе развила дворянскую расточительность.

Но нельзя сказать что расточительность наслѣдственная черта нашего земельнаго дворянства. До освобожденія помѣщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ довольствовались своими доходами, какіе бы они не были и земля оставалась въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ во владѣніи одного рода. Если духъ наживы и даже торговой предпріимчивости былъ имъ вполнѣ чуждъ, то во всякомъ случаѣ скопидомство было ихъ отличительной и общей чертой. По этому несомнѣнно существовала и еще какая нибудь причина, кромѣ трудностей нынѣ сопряженныхъ съ обработкой земли помѣщиками дворянами повліявшая на ту легкость, съ которой они разставались съ своими родными гнѣздами и эту причину мы видимъ въ лишеніи помѣщиковъ ихъ патримоніальной власти надъ своими бывшими холопами. Мы уже говорили объ невозможности сохранить ее за ними тотчасъ послѣ освобожденія, теперь же укажемъ лишь на то, какимъ образомъ потеря ея имѣла означенное дѣйствіе.

Любовь къ землѣ какъ къ своей кормилицѣ, на столько присуща человѣку обладающему ею, что она проявилась во всѣхъ расахъ и племенахъ; понятно, что она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ самой земли меньше по отношенію къ ея населенности. Глубокую привязанность къ своимъ помѣстьямъ питали и русскіе дворяне помѣщики до 1861 г., но въ понятіяхъ русскаго помѣстнаго сословія обладаніе землей неразрывно слилось съ владѣніемъ людьми съ вотчинополицейской властью надъ окружающимъ населеніемъ. Это слiяніе тѣмъ болѣе понятно что оно освящено было вѣками.

Въ Московскомъ Государствѣ дворяне помѣщики искали не пріобрѣтенія земли, которой было всегда вдоволь, а рабочей силы, людей. Цѣнились имѣнія не по количеству или качеству земли, а по числу душъ на ней поселенныхъ и помѣстья центральной полосы, хотя и съ менѣе производительной почвой, но съ большей населенностью были искони самыми доходными. Тогда какъ на Западѣ съ давнихъ поръ чувствовался скорѣе излишекъ населенія, чѣмъ его недостатокъ и по сему въ цѣнѣ была въ особенности почва которую всячески и отбивали отъ крестьянства землевладѣльцы, у насъ на оборотъ земля сама по себѣ не имѣла столь важнаго значенія; весьма часто была она средствомъ пропитанія лишь тяглаго люда, а не непосредственнымъ источникомъ доходовъ помѣщика;— ему нужны были податныя единицы, а не производительность почвы. Главной заботой помѣщика всегда было заселеніе своихъ пустыхъ и дикихъ земель. На западѣ старались выселить крестьянъ живущихъ на барской землѣ, у насъ наоборотъ помѣщики стремились умножить число дворовъ въ своихъ помѣстьяхъ, укрывали ради этого бѣглыхъ и даже насильно увозили другъ у друга тяглыхъ людей съ ихъ семействами. Въ этомъ отношеніи русское помѣстное дворянство, было сословіемъ не землевладѣльческимъ, а рабовладѣльческимъ.

Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права пришлось эти двѣ функціи расчленить; понятно, что это оказалось не по-

силамъ на первыхъ порахъ русскому помѣщику; въ его представленіи потеря патримоніальной власти сливалась съ уменьшеніемъ права собственности и на самую землю. Любовь, которую онъ питалъ къ своей землѣ у него сразу вслѣдствіе этого настолько ослабѣла, что онъ безъ труда закладывалъ, продавалъ и покидалъ ее.

Въ этомъ по нашему мнѣнію, нужно видѣть одинъ изъ выдающихся факторовъ дворянскаго абсентеизма и вытекающаго изъ него оскудѣнія.

Но впрочемъ, мы должны сказать, что въ послѣднее время происходитъ вновь приливъ помѣщиковъ въ лицѣ молодаго поколѣнія къ своимъ покинутымъ имѣніямъ. Эти люди не привыкшіе къ прежнимъ порядкамъ легче приноровливаются къ существующему и то, что оказалось не по силамъ прежнимъ владѣльцамъ, выросшимъ на крѣпостномъ правѣ можетъ быть поддастся ихъ молодой энергіи. Жажда живой дѣятельности влечетъ ихъ туда наравнѣ съ сознаніемъ, что дальнѣйшая жизнь въ городѣ можетъ привести ихъ къ окончательному раззоренію. Къ этому же за послѣдніе года арендныя цѣны значительно понизились и самая сдача земли дѣлается все болѣе и болѣе трудной вслѣдствіе хищнической культуры ея временныхъ съемщиковъ. По неволѣ приходится вести самостоятельное хозяйство. Этимъ явленіемъ должно воспользоваться, дать возможность возвращающимся въ помѣстья примѣнить свои молодыя свѣжія силы, на благо той мѣстности въ которой они поселились. Этой молодежи предстоитъ задача далеко не легкая и не веселая; жизнь въ деревнѣ потеряла всѣ свои прежнія прелести и прежній комфортъ. Гдѣ тѣ веселые пиры и охоты, которые задавали наши отцы и дѣды; всего четверть вѣка прошло, а и память про нихъ исчезаетъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, что еще въ такомъ недавнемъ прошломъ помѣщичья жизнь въ деревнѣ кипѣла ключемъ. Нынѣ повсюду запустѣніе, и безлюдіе дворянское: помѣщикъ обреченъ

на полное одиночество въ своемъ имѣніи; самый обыкновенный комфортъ ему обходится дороже, чѣмъ въ городѣ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ нужно имѣть много гражданскаго мужества и самобытной энергіи, чтобы выдерживать эту жизнь. По тѣмъ не менѣе оживленіе деревенской жизни замѣтно возрастаетъ. Если этимъ людямъ не будетъ облегчена ихъ задача и при томъ дана возможность примѣнить свои способности на дѣлѣ, то можно смѣло сказать, что и они не долго выдержатъ суровыя условія своего добровольнаго заточенія и убѣдившись въ безполезности деревенскаго сидѣнія въ свою очередь, какъ нѣкогда отцы ихъ покинутъ свой постъ, не смотря на угрожающее имъ въ такомъ случаѣ раззореніе. Изъ людей благонамѣренныхъ они превратятся въ озлобленныхъ и увеличатъ недовольство въ обществѣ существующимъ положеніемъ. Изъ силы полезной для государства и правительства они переродятся въ силу вредную, потратившую свои лучшія способности на безплодную борьбу съ непреодолимыми препятствіями. Не только сами они окончательно возненавидятъ жизнь въ деревнѣ но повліяютъ и на другихъ, которые не рѣшатся, основываясь на ихъ поучительномъ примѣрѣ жертвовать собою съ столь малымъ вѣроятіемъ достиженія какихъ либо благихъ результатовъ. Люди же не одаренные большою силою воли и характера предадутся отъ отсутствія всякой общественной жизни, всякаго обмѣна мыслей и сознанія своей безполезности, порокамъ и праздности. Оставаясь даже въ своихъ деревняхъ перестанутъ они приносить ту малую долю пользы, которая еще по силамъ при современныхъ условіяхъ дворянину помѣщику.

III.

По истинѣ скорбную страницу въ исторіи русскаго помѣстнаго дворянства представляетъ, какъ мы видѣли, минувшая четверть вѣка.

Краснорѣчивое доказательсто быстраго перехода за означенное время помѣстій изъ рукъ дворянъ въ руки другихъ сословій даютъ намъ данныя, опубликованныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Свѣдѣнія эти заключены въ 10-мъ выпускѣ 3-ей серіи статистическаго временника и 8-ми выпускахъ статистики поземельной собственности Европейской Россіи. Въ нихъ мы находимъ весьма полную картину разпредѣленія земельной собственности въ Имперіи за 1877—1878 г.

Къ этому времени всей дворянской собственности въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи*) было 69,719,345 дес. а дворянъ землевладѣльцевъ 113,504. Если мы сопоставимъ эти цифры съ тѣми, которыя были добыты редакціонными коммиссіями и Министерствами Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, а тогда у дворянъ въ тѣхъ же губерніяхъ земли числилось за исключеніемъ крестьянскаго надѣла 82,446,000 дес. численно же это сословіе простиралось до 103,158 человѣкъ, то намъ тотчасъ наглядно предстанетъ громадная убыль въ земельной собственности дворянства.

Численно оно дѣйствительно нѣсколько возросло, но весьма незначительно; очевидно, что естественный приростъ его значительно большій; кромѣ того въ составъ его взо-

---

*) Мы исключили изъ общаго числа 49 губерній 3 губерніи остзейскія, гдѣ дворянское землевладѣніе находится въ совершенно особыхъ условіяхъ.

шли новые элементы, лица выслужившіяся изъ разночинцевъ и къ дворянству принадлежащія только по имени; по пріемамъ же хозяйничанья и по правамъ вполнѣ солидарныя съ купечествомъ и кулачествомъ: о качествахъ ихъ мы уже достаточно распространялись.

По количеству же земли дворяне потеряли 12,726,655 десятинъ или болѣе 15% всего количества ихъ земельной собственности и это за промежутокъ 15 лѣтъ! Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о распредѣленіи дворянской земельной собственности по губерніямъ тотчасъ послѣ освобожденія, и вслѣдствіе этого, чтобы опредѣлить мѣстности, наиболѣе потерпѣвшія въ смыслѣ упадка въ нихъ дворянскаго землевладѣнія, намъ приходится поступить нѣсколько гадательно т. е. указать на тѣ губерніи, въ которыхъ земельная собственность остальныхъ сословій занимаетъ наибольшій процентъ. Такъ какъ до 1861 г. населенными имѣніями могли владѣть исключительно дворяне, а ненаселенныхъ мѣстъ было весьма незначительное количество, въ особенности въ центральной полосѣ Россіи, то это и будетъ приблизительно вѣрно.

Первое мѣсто занимаютъ въ этомъ смыслѣ губерніи сѣверныя и промышленной области, иначе говоря мѣстности не хлѣбородныя, гдѣ хозяйство въ былое время было почти исключительно оброчное. При исчезнувшемъ даровомъ трудѣ доходность земли въ этой полосѣ крайне уменьшилась— понятно что здѣсь дворяне всего легче разорялись и уступали свои земли другимъ сословіямъ. Въ этихъ губерніяхъ за дворянами сохранилось лишь отъ 57,5% земель въ частной личной собственности (Владимірская губенія) до 69,9% (Московская). (Мы исключаемъ губерніи Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую, въ которыхъ дворянская собственность никогда не процвѣтала). Одна лишь Нижегородская представляетъ замѣтное исключеніе, сохранивши 84,8% и этотъ фактъ является лишнимъ яркимъ доказательствомъ того насколько легкій земельный кредитъ, безъ участія банковъ-

скаго грабительства, сохраняетъ земельную собственность: Нижегородская губернія единственная, которая послѣ освобожденія крестьянъ и закрытія опекунскихъ совѣтовъ, не прекращала пользоваться имъ, благодаря существованію въ ней съ давнихъ поръ дворянскаго земельнаго банка.

Наравнѣ съ губерніями промышленной области всего слабѣе дворянская собственность въ губерніяхъ Самарской и Таврической, но въ первой купеческое землевладѣніе проложило себѣ дорогу до 1861 г., владѣя тамъ съ давнихъ поръ огромными пастьбищами, на которыхъ откармливался различный скотъ. Что касается до Таврической, то и тамъ частная собственность татаръ была широко распространена и до реформы.

Въ губерніяхъ хлѣбородныхъ процентъ дворянской земли сохранился значительно большій, колеблясь между 75,7% (Рязанская) и 85,5% (Тульская). Исключеніе составляетъ лишь губернія Бессарабская—72,7%. Но затѣмъ мы наталкиваемся на фактъ весьма странный; наибольшее количество дворянской собственности, сохранилось въ губерніяхъ западнаго края, изъ которыхъ сѣверныя покрыты лѣсами, но далеко не хлѣбородны (отъ 86,5%—Гродненская и до 94,9%—Подольская). Причина этого явленія намъ будетъ тотчасъ же ясна, если мы вспомнимъ, что это какъ разъ тѣ губерніи, гдѣ земскія учрежденія по сію пору не введены, т. е. такія, гдѣ правительственная власть вслѣдствіе особыхъ политическихъ причинъ дѣйствуетъ наиболѣе энергично и сохранило за собою наибольшій надзоръ надъ сельской жизнью. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ на сколько упроченіе власти благотворно дѣйствуетъ на помѣщичье хозяйство, не смотря на то, что власть эта въ данной мѣстности скорѣе благосклонна къ низшимъ сословіямъ, нежели къ землевладѣльцамъ дворянамъ.

Если мы теперь обратимъ вниманіе, на то въ чьи руки перешли дворянскія земли, то прежде всего замѣтимъ, что крестьянамъ перепала сравнительно весьма

малая доля, приблизительно около одной трети, при чемъ большая часть ея, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, прошла сначала черезъ руки кулачества. Главная же часть земли, утраченной дворянами, въ общей сложности болѣе $^1/_2$ перешла къ купечеству. Остальную, около $^1/_5$, пріобрѣли мѣщане и иные разночинцы.

И такъ въ 1877—78 г. всей дворянской собственности, принадлежащей 103 т. владѣльцевъ въ 43 губерніяхъ Имперіи *) было 68 милліоновъ десятинъ или 79,5% всей земли въ личномъ владѣніи. Но очевидно, что эта цифра далеко выше дѣйствительной въ настоящее время. Послѣднее десятилѣтіе является какъ-бы апогеемъ дворянскаго оскудѣнія, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что за означенное время дворяне утратили столько же земли, сколько за предшествовавшіе 15 лѣтъ со времени освобожденія. Если къ тому же принять во вниманіе, что многія имѣнія дворянъ заложены и перезаложены и лишь номинально числятся за ихъ владѣльцами, въ сущности же принадлежатъ банкамъ и частнымъ залогопринимателямъ, то изъ оставшагося количества придется скостить весьма значительную долю.

При всемъ томъ оставшаяся за дворянами, земельная собственность представляетъ пока еще весьма почтенную цифру около $^1/_5$ всей территоріи упоминаемыхъ нами 43 губерній и численно это сословіе достаточно велико, чтобы нести нераздѣльно всю мѣстную службу, если предположить, что всѣ дворяне землевладѣльцы отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ этотъ родъ службы. И такъ остается лишь опредѣлить, какіе изъ дворянъ помѣщиковъ наиболѣе подходятъ подъ данныя требованія, на которыхъ изъ нихъ можетъ разсчитывать правительство для занятія

---

*) Исключивъ Остзейскія и Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую по вышеуказаннымъ причинамъ.

предполагаемыхъ должностей и на сколько они многочисленны.

Владѣтели крупныхъ помѣстій не живутъ въ своихъ деревняхъ, предпочитая удовольствія городской жизни деревенскому затворничеству и эти должности не способны ихъ привлечь туда. Съ другой стороны мелкіе землевладѣльцы не представляютъ достаточныхъ гарантій для ихъ пригодности. На этихъ мѣстахъ желательно бы видѣть людей съ высокимъ образовательнымъ цензомъ, а таковымъ къ сожалѣнію не обладаетъ наше мелкопомѣстное дворянство; уровень его умственнаго развитія чрезвычайно низокъ.

Такимъ образомъ почти исключительно на средне помѣстное дворянство можетъ разсчитывать правительство, какъ на будущій контингентъ земскихъ начальниковъ.

Посмотримъ теперь какимъ образомъ распредѣляется у насъ дворянская собственность между тремя видами ея владѣльцевъ.

Мы въ послѣдствіи подробнѣе укажемъ, что мы понимаемъ подъ среднепомѣстнымъ дворянскимъ имѣніемъ: При точномъ опредѣленіи очевидно нельзя принять одинаковую норму для всѣхъ губерній Европейской Россіи, въ виду громадной разницы въ плодородности ихъ почвы. Но такое вычисленіе требуетъ весьма сложной работы которая совершенно не входитъ въ рамки нашей брошюры и вслѣдствіе этого мы принуждены принять одинаковую норму для всѣхъ полосъ нашего обширнаго отечества и признать при настоящихъ вычисленіяхъ дворянскими имѣніями средней величины всѣ тѣ, которыя заключаютъ отъ 300 до 1000 десятинъ земли. Все что не достигнетъ этой нормы будетъ участкомъ мелкопомѣстнымъ, а все что превзойдетъ ее будетъ крупной земельной собственностью. Очевидно, что дѣленіе это нѣсколько грубое и что указанная норма собственно говоря, совершенно подходитъ лишь для губерній черноземныхъ; что-же касается до губерній сѣверныхъ

и даже степныхъ, то она будетъ нѣсколько мала въ низшихъ предѣлахъ и недостаточно велика въ высшихъ. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе это достаточно близко подходитъ къ истинному положенію чтобы по добытымъ по немъ даннымъ составить себѣ ясное понятіе объ количествѣ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ.

По всѣмъ тремъ группамъ, въ указанныхъ нами рамкахъ, дворянскія земли распредѣляются весьма неравномѣрно. Такъ мелкимъ собственникамъ во всѣхъ 43 губерніяхъ принадлежитъ лишь около 7 милліоновъ десятинъ или $^1/_{10}$ всей дворянской собственности, но за то по числу владѣльцевъ—80,529, эта группа составляетъ значительно болѣе половины всего сословія, а именно $^7/_{10}$ его.

Нѣсколько бѣднѣе по личному составу, но богаче по количеству земли средніе собственники, во владѣніи ихъ находится около $11^1/_2$ м. десятинъ или $^1/_6$ общаго количества. По числу же владѣльцевъ они составляютъ около $^1/_5$ сословія—20,477 человѣкъ. Наибольшее же количество земельной собственности сохранилось за крупными владѣльцами, громадные доходы которыхъ спасли ихъ въ большинствѣ случаевъ отъ раззоренія— всего около $51^1/_2$ мил. десятинъ, что составитъ 73,6% всего земельнаго богатства русскаго дворянства. Но численно этотъ разрядъ помѣщиковъ весьма ничтоженъ—12,498 человѣкъ или $^1/_{10}$ ихъ общаго числа.

И вотъ мы видимъ, что какъ разъ желаемый видъ землевладѣнія сравнительно слабо развитъ, какъ по общему количеству земли, находящейся въ его собственности, такъ и по личному его составу. Большее же количество дворянской земли разбито на весьма крупные участки. По латифундіи, какъ съ точки зрѣнія экономической, такъ и политической не представляютъ и половину тѣхъ выгодъ мѣстному населенію, которыя можетъ принести распространенное среднее землевладѣніе; въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ они даже вредны. Владѣльцы этихъ имѣній, какъ мы уже за-

мѣтили, въ нихъ не проживаютъ и по сему вліянія на сельское населеніе не имѣютъ. Способы ихъ хозяйничанья столь различны съ примѣняемыми на малыхъ участкахъ земли, что и въ этомъ отношеніи они не могутъ быть полезными инициаторами въ дѣлѣ народнаго хозяйства. Наконецъ экстенсивность культуры ихъ помѣстій не дозволяетъ имъ выбрать изъ земли все, что она можетъ дать безъ истощенія, а отъ этого безвозвратно пропадаетъ часть производительной силы страны.

Крупныя наши помѣстья занимаютъ нерѣдко значительную часть уѣзда, образуя такимъ образомъ какъ бы пустыри въ смыслѣ дворянскаго въ нихъ присутствія. Къ тому же всякому ясно, что чѣмъ меньше помѣстье, тѣмъ большая часть его доходовъ распредѣляется тутъ же на мѣстѣ, между окружающимъ населеніемъ, но при такихъ громадныхъ доходахъ очевидно большая часть изъ нихъ, если не всѣ сполна увозятся изъ мѣстности ихъ породившей— и добытые трудами одного сословія, идутъ почти всецѣло на обогащеніе другихъ, какъ то торговаго и дворянскаго, но этого послѣдняго лишь въ лицѣ ихъ обладателя, ибо дворянство какъ сословіе ничего не выигрываетъ отъ присутствія въ его средѣ лицъ, которымъ даже нужды сословія дѣлаются отчасти чуждыми. Владѣя такой громадной денежной силой, имъ уже не нужны никакія сословныя привилегіи; они безъ нихъ всегда будутъ играть выдающуюся роль. Изъ дворянъ они превращаются въ капиталистовъ и интересы финансоваго міра имъ становятся ближе, нежели дворянскіе.

Малые участки земли, также какъ и весьма большіе, имѣютъ свои невыгоды. Земельная рента ихъ обыкновенно ниже помѣстій средней величины. Это происходитъ отъ того, что по управленію и содержанію хозяйственныхъ построекъ несутъ они приблизительно тѣже расходы, какъ и среднія помѣстья, а между тѣмъ при раціональномъ хозяйствѣ они не могутъ извлечь изъ земли большой про-

изводительности, нежели этого могутъ достигнуть владѣльцы участковъ средней величины, такъ какъ эти послѣдніе въ состояніи обработывать всю свою землю и такимъ образомъ воспользоваться ея высшей доходностью. Даже во многихъ случаяхъ и самая обработка земли обойдется крупнымъ и среднимъ помѣщикамъ дешевле нежели мелкимъ, такъ какъ они могутъ примѣнить въ своихъ имѣніяхъ сберегающія человѣческій трудъ, усовершенствованныя сельскія орудія и машины, недоступныя первымъ по своей высокой цѣнѣ. Между тѣмъ кругъ дѣятельности полевыхъ машинъ съ каждымъ годомъ все болѣе расширяется и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ вскорѣ охватитъ почти всѣ отрасли сельскаго хозяйства. Въ связи съ этимъ увеличатся и выгоды крупнаго и средняго землевладѣнія.

И такъ наивысшую земельную ренту приносятъ помѣстья средней величины, а владѣльцы ихъ при многочисленномъ составѣ представляютъ надежнѣйшій оплотъ охранительнаго порядка. Для государства по этому чрезвычайно важно имѣть классъ среднихъ землевладѣльцевъ, просвѣщенный, осѣдлый на принадлежащей имъ землѣ и непремѣнно силою обстоятельствъ, такъ сказать безсознательно имѣющій благотворное вліяніе на окружающее сельское населеніе; на него то правительство всего болѣе можетъ положиться въ дѣлѣ мѣстнаго управленія, такъ какъ ему всего ближе знакомы и естественно дороги интересы сельскаго люда. Крупные магнаты имѣютъ можетъ быть вліяніе на ходъ дѣлъ государственныхъ или обще губернскихъ, но отстоятъ слишкомъ далеко отъ крестьянства, чтобы быть его менторами.

Громадную безъ сомнѣнія пользу могутъ они приносить населенію, тратя часть своихъ доходовъ на мѣстныя нужды страны, учреждая школы и содержа больницы, но никогда они не замѣнятъ того личнаго нравственнаго вліянія которое по силѣ вещей оказываетъ интеллигентное среднепомѣстное сословіе на сельскій людъ.

Такимъ образомъ идеальнымъ распредѣленіемъ земель-

наго богатства было бы по нашему мнѣнію раздѣленіе его между крестьянствомъ и историческимъ землевладѣльческимъ сословіемъ Россіи, т. е. дворянствомъ, при чемъ это послѣднее обладало бы исключительно участками земли средней величины.

И вотъ оказывается, что какъ разъ этотъ разрядъ дворянъ землевладѣльцевъ у насъ сравнительно съ мелкопомѣстнымъ весьма малочисленъ, а сравнительно съ группой крупныхъ землевладѣльцевъ въ цѣломъ ея составѣ бѣденъ землей. Мы видѣли, что количество земли, находящейся въ его собственности, составляетъ 16,4% всей дворянской земли, а число владѣльцевъ около $^1/_5$ всего личнаго состава помѣстнаго дворянства.

Постараемся же выяснить причины этого явленія.

До сихъ поръ мы разбирали лишь острые такъ сказать недуги дворянскаго землевладѣнія, появившіеся исключительно послѣ отмѣны крѣпостнаго права, и мы надѣемся вскорѣ долженствующіе прекратиться; для разъясненія же этого вопроса мы должны обратиться къ историческимъ его недугамъ исконно губительно дѣйствовавшимъ на его благосостояніе и правильный ростъ. Такихъ причинъ двѣ— во первыхъ раздѣлъ имуществъ, въ силу нашихъ законовъ и обычаевъ, поровну между всѣми наслѣдниками, во вторыхъ легкая мобилизація ихъ помѣстій.

Если дворянское землевладѣніе могло предстать ко времени отмѣны крѣпостнаго права въ такомъ блестящемъ видѣ, то не должно забывать, что этому не мало содѣйствовало во первыхъ, запрещеніе, существовавшее до этого времени, нимъ сословіямъ владѣть населенными землями, вслѣдствіе чего имѣнія если и мѣняли владѣльцевъ, то все же не выходили изъ рукъ сословія, а во вторыхъ произведенныя въ минувшемъ вѣкѣ и началѣ нынѣшняго громадныя раздачи земель, въ особенности въ Малороссіи и въ юго-восточныхъ губерніяхъ Имперіи, гдѣ и по нынѣ дворянство владѣетъ вслѣдствіе этого наибольшимъ количествомъ

земли. Если бы не эти два факта, то навряд ли и до 1861 г. сохранило бы дворянство свои обширныя помѣстья. Дальнѣйшая же поддержка дворянскаго землевладѣнія означенными мѣрами немыслима; про непримѣнимость первой не стоитъ и распространяться, точно также невозможна и вторая хотя бы вслѣдствіи того, что государство уже не владѣетъ нынѣ во многихъ губерніяхъ достаточнымъ для того количествомъ земли. Да къ тому же эта мѣра была бы палліативомъ; для пресѣченія этого зла нужно уничтожить его причины.

А главная причина состоитъ именно въ постоянныхъ раздѣлахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, дробящихъ землю и раззоряющихъ помѣщиковъ. Наиболѣе же губительно дѣйствуютъ они именно на среднепомѣстное дворянство.

Фактъ этотъ весьма понятный: крупные землевладѣльцы, имѣя возможность капитализировать, безъ всякаго лишенія для себя, значительную часть доходовъ, тѣмъ постоянно увеличиваютъ свои богатства и при раздѣлѣ имущества между наслѣдниками передаютъ имъ приблизительно столько же, сколько у нихъ первоначально было и тѣмъ самымъ сохраняютъ въ продолженіи нѣсколькихъ, даже плодовитыхъ поколѣній свои большіе земельные участки. Наслѣдники малыхъ участковъ земли обыкновенно оные не дѣлятъ за невозможностью вести отдѣльныя хозяйства на этихъ уже микроскопическихъ участкахъ, не обращаясь при этомъ въ одподворцевъ, и посему либо продаютъ ихъ и дѣлятъ между собою полученный капиталъ, либо передаютъ весь участокъ во владѣніе одного изъ наслѣдниковъ, налагая на него извѣстныя обязательства.

Напротивъ средніе землевладѣльцы, не имѣя возможности увеличивать свою собственность во столько разъ, сколько у нихъ наслѣдниковъ и не встрѣчая практическихъ препятствій къ раздѣлу своихъ участковъ на меньшія, переводятъ своихъ потомковъ изъ разряда среднепомѣстныхъ дворянъ въ мелкопомѣстные. Но кромѣ того прямымъ

послѣдствіемъ этого дробленія является истощеніе земли, и вотъ какимъ образомъ.

Дѣлежъ обыкновенно происходитъ такъ: одинъ изъ наслѣдниковъ, преимущественно старшій получаетъ тотъ участокъ земли, на которомъ находится усадьба, а при ней и всѣ хозяйственныя постройки, причемъ цѣнность усадебныхъ строеній принимается въ разсчетъ и участокъ земли ему предоставляемый, вслѣдствіе этого уменьшается противъ другихъ; между тѣмъ всѣ эти строенія, необходимыя при первоначальномъ количествѣ земли при нихъ находящейся, являются для него лишь обузой, такъ какъ они далеко превосходятъ потребности новаго владѣльца. Предположимъ даже лучшій случай, при коемъ новый владѣтель, оставаясь при землѣ беретъ на себя управленіе всѣми остальными участками; но это завѣдываніе длится не долго—и въ третьемъ поколѣніи уже непремѣнно прекращается вслѣдствіе невозможности согласить интересы столь многочисленныхъ владѣльцевъ. На дѣлѣ же и этого обыкновенно не бываетъ и владѣтели тѣхъ участковъ, на которыхъ не находится, какъ говорится ни кола ни двора принуждены либо продать свои участки, при чемъ они попадаютъ въ руки тѣхъ же истребителей земельнаго богатства, которые истощивши ихъ въ конецъ продаютъ ихъ въ свою очередь уже въ третьи руки, обыкновенно по мелкимъ участкамъ крестьянамъ, либо сдать въ аренду, что также неминуемо влечетъ истощеніе земли.

Ко всему этому въ придачу нужно принять во вниманіе, что дѣти среднепомѣстнаго дворянина, люди привыкшіе въ домѣ отца своего къ жизни вполнѣ обезпеченной матеріально и притомъ не получившіе въ большинствѣ случаевъ никакихъ задатковъ для самостоятельнаго заработыванія средствъ къ существованію, съ трудомъ приноравливаются къ своимъ сильно умепьшеннымъ доходамъ и не довольствуясь ими, обыкновенно принимаются за самый источникъ ихъ, иначе говоря проживаютъ уже не ренту, а самый

капиталъ: хорошо коль его хватитъ на ихъ вѣкъ, дѣтямъ же ихъ навѣрнякъ ничего не достанется и вотъ образуется самый худшій классъ пролетаріевъ, не желающій добывать себѣ пропитанія съ помощью прикладныхъ знаній, которыми они впрочемъ и не обладаютъ, въ области фабричной или заводской дѣятельности, считая частную службу унизительной для своего гонора, и исключительно разсчитывающій на государство для удовлетворенія, какъ своихъ потребностей, такъ даже и прихотей; къ тому же они не обладаютъ никакой нравственной силою для борьбы съ жизнью. Но служба правительственная наводнена за послѣдніе годы подобными искателями теплыхъ мѣстъ и переполнена далеко выше потребности. Понятно что она не можетъ удовлетворить всѣ обращаемыя къ ней просьбы, а между тѣмъ неудовлетворенные въ своихъ исканіяхъ, равно какъ не получающіе быстраго повышенія изъ находящихся на службѣ, поступаютъ въ разрядъ недовольныхъ всѣмъ и вся.

Такимъ образомъ мы видимъ, что вмѣсто того, чтобы изъ одного помѣщичьяго имѣнія средней величины образовалось по раздѣлѣ его нѣсколько мелкихъ, хорошо коль уцѣлѣетъ одна часть его, именно та на которой находится усадьба и хозяйственныя постройки, остальныя же переходятъ въ руки другихъ сословій.

Раньше чѣмъ окончательно отвѣтить на первоначально поставленный нами вопросъ, возможно ли поручить мѣстное управленіе въ виду шаткости нашего дворянскаго землевладѣнія его владѣльцамъ, посмотримъ какимъ образомъ распредѣляется по губерніямъ личный составъ среднихъ собственниковъ, этого наиболѣе важнаго по нашему мнѣнію для страны разряда дворянъ землевладѣльцевъ, представители коего способны осуществить надежды возлагаемыя на ихъ будущую мѣстную дѣятельность.

Въ этомъ отношеніи нельзя установить никакихъ районовъ — распредѣленіе ихъ положительно случайное. Сорокъ три разбираемыя нами губерніи по числу среднихъ

собственниковъ распредѣляются такъ: въ 22 губерніяхъ ихъ болѣе 500. (Смоленская 888, Херсонская 879, Полтавская 823, Тульская 776, Новгородская 709, Екатеринославская 709, Тверская 700, Волынская 696, Ковенская 694, Курская 690, Орловская 671, Харьковская 642, Тамбовская 620, Виленская 592, Черниговская 585, Костромская 582, Рязанская 562, Псковская 557, Минская 539, Саратовская 524, Подольская 520, Кіевская 516). Въ 12 отъ 300 до 500, (Могилевская 494, Московская 468, Витебская 459, Ярославская 455, Гродненская 447, Калужская 427, Воронежская 423, Владимірская 393, Петербургская 365, Симбирская 361, Пензенская 341, Нижегородская 330). Въ 5 губерніяхъ отъ 180 до 300 (Бессарабская 299, Казанская 261, Самарская 236, Таврическая 185, Уфимская 180), и въ остальныхъ 4 менѣе 100 (Оренбургская 31, Вятская 25, Пермская 3, Астраханская 3 *).

Вотъ какимъ образомъ распредѣлялся по губерніямъ десять лѣтъ тому назадъ тотъ разрядъ дворянъ собственниковъ на долю которыхъ выпадетъ задача поставлять будущихъ охранителей порядка въ селѣ. Свѣдѣнія эти какъ видимъ далеко неутѣшительны, а между тѣмъ истинное число ихъ безъ сомнѣнія еще ничтожнѣе. Тѣмъ не менѣе, признавши что 300 человѣкъ на губернію достаточно, чтобы имѣть возможность выбрать нужное количество людей развитыхъ и добросовѣстныхъ, мы приходимъ къ тому заключенію что въ большинствѣ нашихъ губерній мѣстная реформа не встрѣтитъ на первыхъ порахъ съ этой стороны особыхъ затрудненій; лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ степныхъ и крайняго сѣвера она представляется трудно осуществимой на предполагаемыхъ основаніяхъ. Но если даже въ данную минуту это возможно не повсемѣстно, если классъ среднепомѣстныхъ дворянъ на кото-

*) Въ это число не включены Оберъ-Офицеры Казачьяго войска.

рый почти исключительно правительство можетъ расчитывать какъ не выборную среду будущихъ земскихъ начальниковъ нынѣ уже численно сравнительно съ остальными ничтоженъ, то что же произойдетъ черезъ 10—20 лѣтъ при томъ постепенномъ уменьшеніи этого разряда дворянъ помѣщиковъ и постоянной измѣняемости его личнаго состава, на который мы не разъ уже указывали. Очевидно что онъ не будетъ въ состояніи при современныхъ условіяхъ долгое время сохранить исключительно за собой мѣстное управленіе и безраздѣльно нести земскую службу.

И такъ не подлежитъ сомнѣнію, что правительству для дѣйствительности проэктируемой имъ мѣры необходимо озаботиться поддержаніемъ и усиленіемъ этого разряда дворянъ собственниковъ. Но какія можетъ оно принять для этого мѣры?

Мы видѣли, что среднепомѣстное дворянство чахнетъ отъ двухъ причинъ— семейныхъ раздѣловъ и легкой мобилизаціи ихъ земельной собственности. Очевидно, что единственнымъ средствомъ для устраненія этихъ причинъ, является учрежденіе заповѣдныхъ имѣній нормальной т. е. средней величины, съ опредѣленнымъ maximum' омъ и minimum' омъ, такъ какъ они соединили бы въ себѣ требуемыя качества: неотчуждаемость и нераздѣльность.

IV.

Къ сожалѣнію заповѣдныя имущества имѣютъ у насъ громадное количество противниковъ.

При словѣ маіоратъ обыкновенно поднимается такая буря негодованія, къ этому отжившему, будто бы принципу, что нужно много смѣлости, чтобы рѣшиться предложить подобную мѣру. Но во первыхъ мы вовсе не предлагаемъ западную маіоратную систему во всей ея неприкосновенно-

сти, а затѣмъ глубоко убѣждены, что большинство возстаетъ противъ этой мѣры по предвзятому мнѣнію. Постараемся же разсѣять это предубѣжденіе.

Наши противники принципа единонаслѣдія и неотчуждаемости земельной собственности дѣлятъ обыкновенно свои возраженія на общія, направленныя противъ самаго маіоратнаго принципа и истекающихъ изъ него послѣдствій и частныя, по отношенію къ примѣненію этой формы владѣнія въ нашемъ отечествѣ. Къ первымъ они относятъ вредъ, происходящій отъ этой мѣры для низшихъ сословій, такъ какъ иммобилизація помѣстій тормозитъ развитіе мелкой собственности, равно какъ вопіющую несправедливость единонаслѣдія первороднаго по отношенію къ меньшимъ сыновьямъ; ко вторымъ неудавшуюся уже однажды попытку ввести у насъ заповѣдныя помѣстья, не смотря на то, что она исходила отъ непреклонной воли Петра Великаго и несходство этого принципа съ основнымъ характеромъ нашего дворянства. Остановимся сначала на ихъ общихъ возраженіяхъ.

Вопросъ о томъ, что выгоднѣе для благосостоянія страны и ея обитателей, мобилизація ли недвижимыхъ имуществъ, т. е. предоставленіе ея владѣльцамъ права отчужденія и свободнаго завѣщанія или закрѣпощеніе ихъ за однимъ родомъ преемственно и единонаслѣдно—вопросъ этотъ далеко не новый и однако до сихъ поръ не разрѣшенъ окончательно. Всѣ согласны, что крайнее дробленіе земли, неминуемо являющееся послѣдствіемъ постояннаго дѣленія ея между наслѣдниками, вредно отражается на ея производительности, но многіе того мнѣнія, что это зло меньшее противъ того, которое происходитъ отъ ежегоднаго увеличенія пролетаріата вслѣдствіе закона объ единонаслѣдіи.

Намъ кажется, что при такой широкой постановкѣ, вопросъ этотъ едва ли можетъ быть разрѣшенъ—все зависитъ отъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ.

Очевидно, что въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ и обширной территоріей раздѣлъ земли по ровну между всѣми наслѣдниками будетъ единственнымъ справедливымъ и притомъ наивыгоднѣйшимъ для культуры почвы. Но по мѣрѣ прироста населенія и полной эксплуатаціи всей удобной земли долженъ быть, по нашему разумѣнію, поставленъ и предѣлъ-ея дробленію. Куда же, спросятъ насъ, дѣвать всѣхъ меньшихъ сыновей: часть изъ нихъ составитъ необходимый для страны съ мануфактурной и фабричной промышленностью контингентъ рабочихъ, другой же части есть лишь одинъ исходъ— эмиграція въ менѣе заселенныя страны— средство, къ которому придется прибѣгнуть и при дробленіи земли до ея крайнихъ предѣловъ.

Примѣромъ пагубности такого дробленія можетъ служить Франція. Тамъ число крестьянъ собственниковъ дѣйствительно значительно превосходитъ количество ихъ въ сосѣднихъ европейскихъ государствахъ, но размѣры ихъ владѣній настолько микроскопичны, что имъ принадлежитъ лишь титулъ собственника безъ единаго его атрибута. Достаточно сказать, что изъ 6,723,724 владѣльцевъ всей земли, незанятой подъ городами 3,600,000 настолько бѣдны, что освобождены даже отъ налога, иначе говоря земля, которою они владѣютъ, утратила всякую производительность вслѣдствіе крайней измельченности. Всѣ они въ совокупности владѣютъ 20,000 акровъ, иначе говоря каждый изъ нихъ владѣетъ среднимъ числомъ $^{1}/_{180}$ эктара или 12 кв. саженъ. Развѣ это не тотъ же пролетаріатъ?

Съ другой стороны мы имѣемъ Германію, въ многихъ мѣстностяхъ которой строго соблюдается принципъ единонаслѣдія даже въ низшихъ сословіяхъ: крестьянскіе дворы съ принадлежащими имъ участками земли и хозяйственнымъ инвентаремъ безраздѣльно наслѣдуются старшимъ либо младшимъ братомъ (маіоратъ—миноратъ). Это широкое распространеніе заповѣднаго землевладѣнія не преминуло благотворно отразиться на культурѣ почвы, равно

какъ повліять на матеріальное и нравственное укрѣпленіе сельскаго населенія. За этимъ состоятельнымъ крестьянствомъ дѣйствительно находится классъ сельскихъ бобылей, питающійся исключительно трудами рукъ своихъ и несомнѣнно происшедшій изъ лишенныхъ наслѣдства меньшихъ сыновей, но благодаря той сильной матеріальной поддержкѣ, которую можетъ оказать имъ состоятельная глава дома, они существенно отличаются отъ бездомнаго и распущеннаго пролетаріата другихъ странъ, составляющій тамъ подонки общественнаго строя.

La famille souche какъ принято называть крестьянскую семью, которая держится принципа единонаслѣдія, вырабатываетъ въ Германіи изъ своихъ меньшихъ сыновей не безпокойную чернь Франціи, грозящую разрушеніемъ существующему соціальному строю и полнѣйшей анархіей, а трудолюбивыхъ прекрасныхъ работниковъ; мы видимъ какихъ энергическихъ даетъ она колонизаторовъ и піонеровъ нѣмецкаго всемірнаго нашествія, почти сплошь состоящаго изъ подобныхъ людей.

Но наша задача не состоитъ въ томъ, чтобы доказать полезность для Россіи маіоратнаго принципа по отношенію ко всѣмъ сельскимъ сословіямъ. Напротивъ, нашъ общинный характеръ землевладѣнія, заключая одно изъ коренныхъ свойствъ маіоратнаго принципа— неотчуждаемость, по нашему мнѣнію при рѣдкомъ населеніи Россіи и обширности ея территоріи, есть найлучшій видъ крестьянской собственности; тѣмъ болѣе онъ является такимъ, что народъ нашъ исторически сжился съ нимъ. Мы находимъ желательнымъ введеніе такого принципа лишь въ дворянское землевладѣніе, для сохраненія ихъ земельной собственности отъ хищнической культуры нашего третьяго сословія, и для усиленія благотворнаго вліянія дворянъ въ деревнѣ.

По заповѣдныя имущества въ этомъ сословіи обыкновенно считаются еще болѣе пагубными для большинства

обитателей страны, чѣмъ закрѣпощеніе крестьянскихъ земельныхъ участковъ за ихъ владѣльцами.

Безъ сомнѣнія самое вѣское возраженіе, которое можно представить противъ этого вида земельной собственности, это невозможность пріобрѣтенія этихъ участковъ земли крестьянствомъ, т. е. большинствомъ населенія страны, а вслѣдствіе этого и постепенное обезземеленіе его. Но такъ ли это будетъ у насъ при предлагаемыхъ нами заповѣдныхъ помѣстьяхъ опредѣленной величины.

При словѣ маіоратъ обыкновенно рисуется аграрный строй Англіи, съ ея исключительно аристократическимъ землевладѣніемъ, раздѣленномъ на латифундіи. Причиной этого явленія считается широкое распространеніе маіоратнаго принципа и появленіе вслѣдствіе этого сильной своими богатствами аристократіи, а рядомъ съ нею безземельнаго крестьянства. Но тутъ происходитъ просто перемѣщеніе причины и послѣдствія.

Не вслѣдствіе маіоратовъ обезземелено тамъ крестьянство и усилилась аристократія, а маіораты порождены политическимъ характеромъ владѣющаго ими сословія.

Начиная съ того, что въ Англіи формально вовсе не существуетъ маіоратнаго владѣнія; законъ совершенно не признаетъ заповѣднаго имущества, соблюдается же этотъ характеръ наслѣдованія и владѣнія исключительно въ силу обычая и права *совершенно свободно* распоряжаться землей. Вотъ изъ этой то свободы владѣнія и полнаго отсутствія контроля надъ наслѣдованіемъ земельной собственности и произошелъ нынѣшній аристократическій типъ землевладѣнія Англіи. Британскій законъ даетъ право каждому землевладѣльцу отказать свое помѣстье кому ему угодно, и съ какимъ угодно обязательствомъ, не дѣлая различія между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ. Но рядомъ съ этимъ онъ же даетъ право участія въ верхней палатѣ лордовъ исключительно старшимъ сыновьямъ членовъ ея. Изъ этихъ

двухъ причинъ и произошелъ по нашему мнѣнію англійскій обычай единонаслѣдія первороднаго.

Англійская аристократія естественно желала и желаетъ сохранить за собой, какъ сословіемъ, дѣятельное участіе въ управленіи страной. Но ясно сознавая, что это участіе продолжится лишь до тѣхъ поръ покуда она будетъ представительницей земельныхъ интересовъ страны, покуда члены ея будутъ владѣть огромной денежной силой, она и закрѣпощаетъ изъ рода въ родъ всѣ свои несмѣтныя богатства, за тѣмъ изъ наслѣдниковъ, который призванъ въ силу закона играть видную роль въ общественной жизни страны.

Такимъ образомъ Англійскіе маіораты предназначены служить почвой для политическаго значенія аристократіи. Неогражденность же земельной собственности крестьянъ произвела тотъ фактъ, что нынѣ вся территорія Англіи принадлежитъ 269,000 владѣльцамъ, а больше половины ея сосредоточена въ рукахъ 2238 магнатовъ. Капиталъ оказался на столько всесильнымъ, что скупилъ у мелкихъ собственниковъ всѣ ихъ земли.

Но у насъ этого быть не можетъ, во первыхъ вслѣдствіе того, что уже нынѣ въ рукахъ крестьянъ находятся весьма большія земельныя богатства—болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель въ хлѣбородныхъ и промышленныхъ губерніяхъ, и что эти богатства вслѣдствіе неотчуждаемости ихъ никоимъ образомъ къ другимъ сословіямъ перейдти не могутъ. Во вторыхъ оттого что то количество земли, которое мы предполагаемъ закрѣпостить за дворянствомъ не достигаетъ и пятой доли всей территоріи страны, такъ что свободной для покупки крестьянами земли останется весьма много.

Къ тому же въ данную минуту упадокъ крестьянскаго богатства вовсе не зависитъ, какъ мы уже не разъ указывали, отъ недостатка земли въ ихъ владѣніи. Ни въ одной европейской странѣ крестьяне не надѣлены такимъ огромнымъ количествомъ земли какъ у насъ, достаточнымъ для

прокормленія вдвое большаго количества людей, чѣмъ то которое имъ нынѣ владѣетъ. То что наше сельское хозяйство стоитъ на такомъ низкомъ уровнѣ развитія, прямо доказываетъ скорѣе излишекъ земли, чѣмъ недостатокъ ея. Нужда самый лучшій наставникъ, подъ ея вліяніемъ усовершенствовались способы обработки земли на западѣ, она же научитъ и наше крестьянство извлекать изъ земли все что она можетъ дать безъ истощенія.

Такимъ образомъ указывать на примѣръ Англіи никакъ нельзя, во первыхъ вслѣдствіе громадной разницы между условіями землевладѣнія въ этой странѣ и у насъ, а во вторыхъ потому что предполагаемая нами маіоратная система коренным образомъ отличается отъ Англійской. Мы вовсе не сторонники сосредоточенія несмѣтныхъ богатствъ въ одиѣхъ рукахъ и посему обращеніе латифундій въ маіораты отнюдь не желаемъ и не англійскую маіоратную систему хотимъ мы заимствовать. Гораздо ближе къ американскимъ homestead exemption laws подойдетъ предлагаемая нами мѣра. Дѣйствительно, во многихъ штатахъ этой демократической страны этими законами опредѣленъ minimum отдѣльныхъ участковъ земли, дальше чего они дробиться не могутъ. Разница съ проэктируемыми нами помѣстьями лишь та, что тамъ они отчуждаемы, но такъ какъ главная цѣль, нами преслѣдуемая, состоитъ не въ собираніи земли въ большіе участки, а укрѣпленіе извѣстнаго сословія, то понятно, что въ виду этого существенно важно, не единовладѣніе, а неотъемлемость ея изъ дворянскихъ рукъ.

Думать же что можно добиться, чтобы весь землевладѣльческій классъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльческимъ, т. е. чтобы вся земля раздѣлилась на такіе участки, которые могли бы быть обработываемы силами одной семьи имъ владѣющей, есть высшая утопія. Не только средняя земельная собственность, но и крупная всегда существовала и существовать будетъ и ихъ обоюдное процвѣтаніе въ значительной степени зависитъ отъ ихъ сосуществo-

ванія. Весь вопросъ сводится къ тому каковъ будетъ личный составъ среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Даже добиться того, чтобы землевладѣніе было бы преимущественно демократическимъ, задача весьма не легкая. Обыкновенно образцомъ страны съ демократическимъ аграрнымъ строемъ выставляется Франція. Но истинное положеніе тамъ крестьянскаго благосостоянія совершенно не соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, составившемуся объ ней представленію; французская революція, уничтоживши право первородства и дозволивши полную свободу семейныхъ раздѣловъ, не увеличила этимъ аграрное богатство крестьянскаго сословія; до революціи это сословіе владѣло $^1/_4$ всей земли, а нынѣ оно владѣетъ лишь $^1/_6$, не смотря на приростъ населенія. Выигралъ же исключительно буржуа— французскій кулакъ, во владѣніе коего перешло болѣе $^1/_2$ всей земли. Это то сословіе скупило по баснословно низкой цѣнѣ конфискованныя у дворянъ эмигрантовъ и духовенства помѣстья и какъ паукъ обвило своей паутиной все остальное населеніе. Если нѣкоторыя изъ земель этихъ и были куплены зажиточными крестьянами, то все же въ общемъ мелкое землевладѣніе не выиграло: крестьяне купившіе большіе участки земли этимъ лишь присоединились къ буржуазіи, покинувши низшія сословія. На мѣсто одного сословія, несомнѣнно имѣвшаго свои пороки, но выкупавшаго ихъ хотя бы отчасти своими качествами, сѣло другое лишенное всякой нравственной высоты, преобладающимъ свойствомъ котораго является страсть къ наживѣ къ деньгамъ.

Такимъ образомъ даже такой радикальной мѣрой, какъ продажа 20 милліоновъ гектаровъ крупной собственности, правительство первой республики Франціи не достигло уничтоженія крупнаго землевладѣнія, а лишь измѣнило личный составъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ и тутъ мобилизація крестьянскихъ земельныхъ участковъ не преминула повліять на уменьшеніе ихъ общаго количества, такъ же какъ постоянные раз-

дѣлы ея между наслѣдниками разсѣяли ее на пылинки. Въ республиканской франціи на долю мелкаго землевладѣнія приходится лишь 17% всей удобной земли, тогда какъ крупное и среднее землевладѣніе раздѣлили между собою остальную землю приблизительно пополамъ (42% круп. 41% сред.) *).

Наконецъ, если дѣйствительно со временемъ заповѣдныя имущества у насъ остановили бы развитіе крестьянской земельной собственности, то развѣ это доказываетъ ихъ современный вредъ; всякая мѣра доведенная до крайности несомнѣнно въ концѣ концовъ вредна, но это еще незначитъ, что она въ извѣстномъ объемѣ не принесетъ пользы. Такъ напримѣръ покровительственныя пошлины несомнѣнно полезны при младенчествѣ извѣстной индустріи, на заграничныя произведенія коей они наложены, но онѣ же становятся крайне тягостными для страны, коль скоро индустрія эта настолько окрѣпнетъ въ ней, что можетъ успѣшно соперничать съ иностранной конкуренціей. Въ послѣднемъ случаѣ пошлины совершенно утрачиваютъ свой покровительственный характеръ, содѣйствуя лишь разорительной для большинства населенія монополіи внутренней торговли.

Изъ извращенія какого нибудь принципа не явствуетъ, что онъ самъ по себѣ нехорошъ. Съ учрежденіемъ заповѣдныхъ вотчинъ можетъ быть дѣйствительно произойдетъ

---

*) Мы заимствуемъ эти данныя изъ соч. Legoyt; La France et l'Etranger, 1865 Paris. По новѣйшимъ даннымъ, собраннымъ Foville въ его недавней книгѣ Le morcellement (Paris 1886) цифры эти нѣсколько видоизменены. По его свѣдѣніямъ за мелкой собственностью состоитъ около 25% всей территоріи франціи. По такъ какъ онъ включилъ въ число мелкихъ собственниковъ и городскихъ домовладѣльцевъ, то мы полагаемъ, что наши данныя ближе подходятъ къ истинѣ.

то, что обыкновенно происходитъ со всякой крупной политической мѣрой: въ началѣ она отвѣчаетъ вполнѣ законнымъ потребностьямъ, затѣмъ развивается и видоизмѣняется сообразно съ нуждами той среды, въ которой она дѣйствуетъ и наконецъ встшаетъ, переживаетъ тѣ потребности, которыя ее вызвали и приноситъ иногда даже вредъ и тогда либо отмѣняется, какъ несвоевременная, либо остается мертвой буквой— памятникомъ былыхъ вопросовъ жизни.

Условія жизни чрезвычайно измѣнчивы и если основываться на томъ, что такую то мѣру нельзя принять потому, что она когда нибудь, въ отдаленномъ будущемъ принесетъ нѣкоторыя дурныя послѣдствія, то прійдется отказаться отъ всякихъ мѣропріятій, ибо нѣтъ такого политическаго принципа, который въ концѣ концовъ не явился бы несвоевременнымъ и вреднымъ. Для Англіи пришѣло время думать объ уничтоженіи маіоратовъ— пусть такъ, но это не доказываетъ, что намъ вредно ихъ вводить. Примѣнять вѣчно какой либо одинъ принципъ, все къ нему приноравливать—есть высшій абсурдъ, ибо и жизнь то вся проходитъ въ согласованіи противоположныхъ принциповъ и интересовъ.

И такъ если какая нибудь мѣра вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ потребностямъ и не грозитъ въ ближайшемъ будущемъ породить взамѣнъ уничтожаемаго сю иное зло можетъ быть горше перваго, то ее нельзя не признать полезной. А именно такой мѣрой представляется намъ учрежденіе маіоратовъ нормальной величины.

Обратимся теперь ко второму возраженію изъ категоріи общихъ, которую всего чаще выставляютъ противники маіоратовъ— несправедливость этой мѣры по отношенію къ меньшимъ сыновьямъ. Возраженіе это несомнѣнно имѣетъ существенное основаніе при западной маіоратной системѣ, гдѣ помѣстья какой бы они величины не были, всѣ сполна передаются старшему сыну, но значительно теряетъ

оно свою силу при маіоратахъ съ опредѣленнымъ maximum'омъ, такъ какъ все что превышаетъ этотъ maximum естественно идетъ къ меньшимъ братьямъ первороднаго.

Если же взять тотъ случай, когда маіоратистъ не владѣетъ ничѣмъ инымъ кромѣ означеннаго маіората, то наслѣдники его въ особенности же именно меньшія сыновья даже при раздѣлѣ поровну между собою того средне помѣстнаго имѣнія, которое желательно бы было обратить въ заповѣдное, какъ мы уже указали, рѣдко сохраняютъ земельную собственность, при чемъ доходы съ полученнаго капитала могутъ быть лишь подспорьемъ къ существованію ихъ, а никакъ не исключительнымъ источникомъ ихъ средствъ къ жизни.

При переходѣ же къ третьему поколѣнію капиталы эти если даже и сохраняются, то настолько дробятся къ тому времени, что теряютъ значеніе всякой поддержки въ жизненной борьбѣ ихъ владѣльцевъ. Поэтому то мы и находимъ болѣе справедливымъ обезпечить существованіе хотя бы одного представителя рода безконечно, чѣмъ раздѣливши среднее помѣстье поровну между всѣми наслѣдниками, лишить всякой состоятельности всѣхъ потомковъ втораго поколѣнія означеннаго рода.

Не малую услугу по нашему мнѣнію можетъ оказать эта мѣра нашему дворянству, вырабатывая именно изъ младшихъ сыновей, людей съ твердой волей и энергіей, трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ; а къ этому невольно будетъ направлено все ихъ образованіе, такъ какъ родители ихъ будутъ напередъ знать, что исключительно при такихъ качествахъ, будутъ они способны сохранить въ обществѣ то положеніе, которое имъ принадлежитъ по рожденію. Сами они также съ малыхъ лѣтъ привыкнутъ не разсчитывать на будущую матеріальную обезпеченность, которая бы позволила имъ всю жизнь провести въ бездѣятельности и воспитаютъ въ себѣ самопомощность. Что же касается до тѣхъ лицъ, которымъ подобныя качества привить

невозможно, то безъ сомнѣнія они до нѣкоторой степени пострадаютъ. Но вѣдь это единичные случаи, а по русской пословицы — дрова рубятъ щепки летятъ, и невозможно принимать во вниманіе при введеніи столь крупной реформы чреватой благими послѣдствіями, то дѣйствіе, которое она можетъ произвести на людей слабоумныхъ и нравственно безпильныхъ.

Это тѣмъ болѣе такъ, что подобнымъ личностямъ при всякихъ условіяхъ блага жизни не легко даются. Положеніе же меньшихъ дѣтей маіоратиста будетъ во всякомъ случаѣ далеко не такимъ безпомощнымъ, какъ если бы они были дѣтьми людей совершенно несостоятельныхъ, такъ какъ они во первыхъ имѣютъ возможность получить болѣе совершенное образованіе, а затѣмъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ всегда найдутъ пристанище въ домѣ своего старшаго брата, который станетъ естественной главой семьи по отношенію къ своимъ меньшимъ братьямъ по смерти отца своего, и посему на немъ будетъ лежать нравственная обязанность заботиться объ участи ихъ. Кромѣ того законъ долженъ обязать маіоратиста воспитать и содержать младшихъ братьевъ до совершеннолѣтія, а сестеръ до замужества.

Наконецъ каждый отецъ будетъ стараться составить для младшихъ дѣтей своихъ путемъ сбереженій кой какой капиталецъ. Если же взять такихъ отцовъ, которые объ дѣтяхъ своихъ не заботятся, то вѣдь въ такомъ случаѣ при нынѣшнихъ условіяхъ они еще менѣе обезпечены. Наше законодательство, какъ извѣстно не дастъ права владѣльцу родоваго недвижимаго имущества завѣщать его помимо своихъ законныхъ наслѣдниковъ, но между тѣмъ предоставляетъ ему полную возможность заложить его и продать и поступить съ вырученнымъ капиталомъ, какъ ему заблагорозсудиться. Вслѣдствіе этого происходитъ между прочимъ и то, что люди бездѣтные, или неимѣющіе законныхъ дѣтей, обходятъ законъ, и чтобы передать состояніе лицамъ имъ близкимъ, не по

родственнымъ связямъ, а по привязанности, продаютъ свои помѣстья въ первыя попавшіяся руки, чтобы затѣмъ свободно располагать вырученнымъ капиталомъ, лишая такимъ образомъ родъ его исконныхъ владѣній. Конечно это частные случаи, но и они имѣютъ вліяніе на уменьшеніе дворянской недвижимой собственности, такъ какъ нынѣ покупщиками обыкновенно бываютъ купцы, ибо въ ихъ рукахъ сосредоточена главнымъ образомъ покупная сила.

Кромѣ того возможно бы было даже обязать маіоратистовъ капитализировать десятую часть своихъ доходовъ для передачи ихъ въ послѣдствіи меньшимъ братьямъ наслѣдника маіората.

И такъ по отношенію къ меньшимъ сыновьямъ предлагаемая нами мѣра вовсе не является такой вопіющей несправедливостью, какъ способъ наслѣдованія при западной маіоратной системѣ.

V.

Во главѣ тѣхъ возраженій, которыя приводятъ въ доказательство непримѣнимости маіоратнаго принципа у насъ обыкновенно ставятъ тотъ фактъ, что наше дворянство совершенно иначе сложилось, чѣмъ западно-европейское, что какъ по происхожденію такъ и по существу оно было и есть исключительно служилымъ сословіемъ и отнюдь не землевладѣльческимъ. Прямое де призваніе дворянства состоитъ въ службѣ приказной и ратной, а никакъ не въ владѣніи землей и ея обработкѣ; вслѣдствіе де этого дворянство къ землѣ никакими узами у насъ не прикрѣпишь, а если даже и достигнешь этого, то пользы отъ того не произойдетъ ни для земледѣлія, ни въ смыслѣ культурнаго ихъ вліянія на сельское населеніе.

На чемъ же основана эта теорія?

На западѣ точно также какъ и у насъ земельная аристократія имѣла основой своего существованія служилое

прошлое, пришло ли оно въ дружинахъ завоевателей и само отобрало себѣ землю, было ли оно жалуемо ею королями.

Обыкновенно напираютъ на тотъ фактъ, что землевладѣніе нашего дворянства было всегда условнымъ, что помѣстья верстались боярскимъ дѣтямъ взамѣнъ извѣстныхъ повинностей. Каждый де помѣщикъ былъ со ipso слуга княжій или царевъ. Но если мы обратимся къ происхожденію, хотя бы англійской аристократіи, несомнѣнно землевладѣльческой, то мы увидимъ что и тамъ землевладѣніе имѣло первоначально тотъ же характеръ условности, а дворянство своимъ основаніемъ служилое прошлое. По Domesday book — описи земли, составленной въ 1086 году. т. е. вскорѣ по завоеваніи Англіи Норманнами видно, что въ то время 60,215 вотчинъ были единовременно розданы королемъ, изъ нихъ 28,115 приписаны церквамъ, а 32,100 пожалованы рыцарямъ, но владѣніе ихъ было условное и обязывало взамѣнъ этого нести воинскую службу и выставлять ратниковъ; формально же вся территорія страны признавалась собственностью государства.

Существенная разница между англійской земельной аристократіей и русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ состоитъ въ томъ, что первая всегда дѣйствовала какъ сословіе корпоративно и несомнѣнно имѣла руководящее значеніе въ управленіи страны, какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами ея, но собственно помѣстной феодальной и патримоніальной властью надъ окружающимъ населеніемъ — англійскій лендлордъ не обладалъ. У насъ наоборотъ, дворянство какъ сословіе никогда не имѣло притязаній на управленіе судьбами государства, но за то каждый помѣщикъ былъ полновластный владыка сидящаго на его землѣ тяглаго люда.

Тогда какъ въ Англіи съ давнихъ поръ все крестьянство управлялось общими для всѣхъ законами, авторами коихъ были по большей части тѣ же лендлорды, но взятые вмѣстѣ, какъ сословіе, въ Россіи, что ни помѣстье, что ни вотчина, то свой порядокъ управленія. Каждый помѣстный

дворянинъ могъ судить и рядить на свой салтыкъ, не справляясь съ общими законами; въ Англіи же лендлордъ, какъ отдѣльное лицо, собственно не имѣлъ ни какой власти надъ крестьянскимъ населеніемъ, ему были совершенно чужды полицейскія функціи русской помѣщичьей власти. Отличаясь такимъ образомъ отъ западной аристократіи по отсутствію сословной обособленности и политическому значенію, наше дворянство вполнѣ однородно съ нимъ въ смыслѣ землевладѣнія и сопряженныхъ съ нимъ обязанностей.

Иное дѣло наша аристократія, составлявшая нѣкогда боярскую думу, она дѣйствительно была служилой. Основаніемъ ея участія въ дѣлахъ правленія было не землевладѣніе, а личныя заслуги предковъ, опредѣленныя правомъ мѣстничества. По мѣткому выраженію профессора Ключевскаго это была аристократія воспоминаній. Но вѣдь не ее хотимъ мы прикрѣпить къ землѣ, а среднепомѣстное дворянство, по существу искони землевладѣльческое, хотя ему порой и навязывали служебныя обязанности.

Московскіе Цари, стараясь увеличить свой контингентъ ратниковъ, дѣйствительно обязывали всякого землевладѣльца службой—въ особенности сторожевой, ратной, по отчасти и городовой. Но именно по тому частому въ судебникахъ и наказахъ Царскихъ напоминанію объ обязательности службы для всѣхъ помѣстныхъ дворянъ, мы можемъ судить, что землевладѣльческій классъ, не легко поддавался исправленію ея, всячески отъ нея отлынивалъ, наказы обходилъ, а помѣстья, не смотря на условность ихъ владѣнія, старался укрѣпить за своимъ родомъ вѣчно. Такимъ образомъ тутъ проявляются два стремленія: одно со стороны государственной власти, считавшей всю землю своей короной собственностью, а помѣщичье владѣніе условнымъ,—какъ бы платой за извѣстныя повинности и посему добивавшейся закрѣпленія дворянства къ ратной, приказной, городской и земской службѣ. Другое со стороны помѣстнаго землевладѣльческаго

класса, прилагавшаго всѣ усилія къ закрѣпленію за собой земли окончательно и безусловно и стремившагося отрѣшиться отъ всѣхъ обязательствъ, наложенныхъ на него за право владѣнія. Какъ ни старались Цари, чтобы земля не выходила изъ службы, но все же безуспѣшно и помѣстья (временное владѣніе) измѣнялись въ вотчины (наслѣдственное). Эта борьба, начавшаяся еще въ удѣльный періодъ, продолжалась вплоть до Петра съ перемѣннымъ съ обѣихъ сторонъ успѣхомъ.

Такъ въ XVII столѣтіи, особенно въ смутное время, помѣстное дворянство почти совершенно освободилось отъ службы. На вызовы воеводъ помѣщики либо отписывались всякими ложными препятствіями къ явкѣ на службу, либо вовсе отмалчивались и тогда записывались въ пѣтяхъ. Эти пѣтчики вскорѣ оказались настолько многочисленными, что правительству пришлось писать особые объ нихъ указы, грозя имъ смертной казнью и отнятіемъ помѣстья въ казну въ случаѣ неявки на сборные пункты для защиты страны отъ вражескихъ нашествій. Легко было писать указы — затруднительно приводить ихъ въ исполненіе при отсутствіи сильной мѣстной власти и дѣло продолжало идти по прежнему вплоть до царствованія Петра. При немъ же произошелъ дѣйствительно крутой переломъ въ положеніи помѣстнаго дворянства. Съ обычной ему энергіей выгналъ онъ все это сословіе въ столицы и прикрѣпилъ его къ ратной службѣ на сушѣ и на морѣ. Знаменитымъ указомъ 1714 года объ слияніи помѣстій съ вотчинами онъ хотя и освятилъ наслѣдственность обоихъ видовъ этихъ владѣній, но за то распространилъ съ помѣстныхъ дворянъ и на владѣльцевъ исконныхъ вотчинъ обязательство службы. Такимъ образомъ онъ сосредоточилъ все это сословіе въ городахъ и совершенно обезлюдилъ провинцію.

Но недолго продолжалась эта всеобщая для дворянъ служебная повинность. Дѣла въ провинціи настолько ухудшились, крестьяне пришли къ такому разоренію вслѣдствіе

невольнаго абсентеизма помѣщиковъ изъ своихъ имѣній и безобразнаго хозяйничанія ихъ прикащиковъ, что, тотчасъ по смерти Петра со всѣхъ сторонъ раздаются голоса въ пользу отпусковъ шляхетства, какъ въ то время называли дворянство, для устроенія своихъ дѣлъ и быта крестьянъ въ деревнѣ и правительство не только разрѣшило эти отпуска, но учредило и извѣстный срокъ дворянской службы, далѣе котораго она становилась необязательной: при Петрѣ она кончалась лишь со смертью дворянина или окончательной его дряхлостью. Наконецъ Елисавета, возведенная на престолъ среднепомѣстнымъ дворянствомъ, составлявшимъ тогда исключительный контингентъ гвардейскихъ полковъ, даровала ему разныя льготы по исправленію службы. Окончательно же восторжествовалъ землевладѣльческій характеръ русскаго дворянства при Петрѣ III. При немъ былъ изданъ извѣстный манифестъ о вольности дворянства, которымъ окончательно разрѣшено дворянамъ служить лишь по собственной охотѣ.

Впрочемъ и Петръ I отчасти сознавалъ невозможность слить двѣ функціи дворянства: землевладѣніе и службу Царю; сдѣлать его опекуномъ крестьянскаго хозяйства, сборщикомъ государственныхъ податей, облечь его вотчинной властью и одновременно съ этимъ изгнать его изъ деревень, образовавши имъ всю ратную силу страны, равно какъ гражданское дѣлопроизводство. Для этого Петръ хотѣлъ расчленить дворянство на исключительно землевладѣльческое и служилое. Извѣстнымъ указомъ 1714 г. объ единонаслѣдіи онъ наказалъ передачу всѣхъ помѣстій одному изъ сыновей, освободивъ его отъ всякихъ служебныхъ обязательствъ, но съ тѣмъ, чтобы остальные справляли Государеву службу „въ чемъ польза Государства есть“. Правда, что указъ этотъ остался мертвой буквой и настолько не привился къ русскому дворянству, что нѣсколько лѣтъ спустя въ царствованіе Анны былъ формально отмѣненъ.

Эта неудачная попытка ввести у насъ маіораты обык-

повсюду и приводится какъ доказательство непримѣнимости этой формы владѣнія при нашемъ общественномъ строѣ. Но, если вникнуть въ причины этого явленія, то мы сразу увидимъ насколько этотъ примѣръ бездоказателенъ. Въ самомъ дѣлѣ указъ Петра объ единонаслѣдіи первороднаго равнялся приказанію помѣщику пустить всѣхъ своихъ остальныхъ дѣтей по міру нищими. Денежныя сбереженія если и были возможны въ то время, то развѣ въ видѣ червонцевъ, которые затѣмъ оставалось прожить, но существовать съ ихъ процентовъ, либо пустить ихъ въ оборотъ, было не мыслимо, ибо въ капиталѣ, вслѣдствіе отсутствія всякихъ мало-мальски крупныхъ торговыхъ предпріятій никто не нуждался; добывать же себѣ средства къ существованію самостоятельнымъ трудомъ было также крайне затруднительно; государственная служба, не только не питала—но еще сама требовала денегъ, частной службы совсѣмъ не существовало. Понятно, что при такихъ условіяхъ, помѣщики временъ Петра всячески обходили этотъ законъ, что и не представляло особенныхъ затрудненій въ виду отсутствія всякаго дѣятельнаго контроля надъ наслѣдованіемъ имуществъ.

И такъ землевладѣніе было основнымъ и исключительнымъ признакомъ дворянства у насъ до Петра. Онъ же своей табелью о рангахъ образовалъ рядомъ съ землевладѣльческимъ дворянствомъ служилое или вѣрнѣе служебное и даже отдалъ предпочтеніе послѣднему. Реформа 19 Февраля, оторвавши значительную долю прежнихъ дворянъ отъ земли еще болѣе увеличила этотъ элементъ. Но все это не доказываетъ, что наше коренное дворянство не было по преимуществу сословіемъ землевладѣльческимъ.

Спрашивается почему же россійское дворянство никогда не добивалось законнаго владѣнія землей — этого идеала Западно-Европейской аристократіи? Разгадка весьма простая: громадное количество пустующихъ земель, всегда готовое для занятія въ случаѣ измельчанія дворян-

скихъ имѣній. Тѣснота и безземелье — вотъ что заставляло на Западѣ землевладѣльцевъ стремится къ упроченію помѣстій за ихъ родомъ недѣлимо и преемственно. У насъ въ Московской Руси, хотя единонаслѣдіе не существовало, но и дробленіе земли меньше извѣстной нормы также производилось весьма рѣдко. Нормальный размѣръ служилаго помѣстья былъ въ XVI вѣкѣ четвертей въ 200—250 и у отца, владѣющаго 500 четвертями при нѣсколькихъ сыновьяхъ помѣстье раздѣлялось между двумя сыновьями, а остальные надѣлялись особо земскимъ приказомъ. Если же помѣстье не достигало этой величины, то наслѣдовалъ лишь одинъ сынъ, а остальные получали новыя помѣстья. Понятно, что при такомъ, казалось не изсякаемомъ богатствѣ земли, землевладѣльцы мало заботились объ укрѣпленіи земли за однимъ сыномъ ради избѣжанія ея дробленія; что же касалось ея неотчуждаемости, то и это условіе собственно существовало, ибо если помѣщики добились обращенія большинства помѣстій въ вотчины, т. е. укрѣпленія ихъ за своимъ родомъ, то все же не могли они распоряжаться ими вполнѣ самовластно—продавать или закладывать. Къ тому же существовало и еще одно непреодолимое препятствіе—трудность найдти покупщика, а тѣмъ болѣе залогопринимателя.

Но этимъ еще не исчерпываются ходячія возраженія противъ примѣненія маіоратнаго принципа у насъ и возможности образовать посредствомъ него осѣдлое дворянство. Обыкновеннымъ доказательствомъ того, что заповѣднымъ владѣніемъ не прикрѣпить русскаго помѣщика къ владѣемой имъ на этомъ основаніи землѣ, у насъ служитъ фіаско, которые потерпѣли учрежденные въ Привислинскомъ краѣ маіораты въ смыслѣ образованія въ немъ вліятельнаго русскаго элемента. Маіоратное де владѣніе не привлекло туда ни одного владѣльца и въ большинствѣ случаевъ они даже не ведутъ тамъ собственнаго хозяйства, а сдаютъ землю въ аренду.

По тутъ нужно принять во вниманіе личный составъ маіоратистовъ. Какъ извѣстно маіораты въ большинствѣ случаевъ были розданы, и весьма многія конфискованныя имѣнія проданы на льготныхъ условіяхъ лицамъ, занимающимъ видное положеніе въ государственной іерархіи, зачастую владѣющимъ кромѣ того родовыми помѣстьями въ иныхъ губерніяхъ; конечно эти лица во первыхъ не тяготѣли вообще къ деревенской жизни, а затѣмъ имъ понятно, были гораздо ближе ихъ коренныя помѣстья, гдѣ они охотнѣе поселялись, если покидали государственную службу. При этомъ западный край до сихъ поръ край далеко не русскій и не лежитъ сердце русскаго человѣка къ условіямъ быта этой страны, съ которыми онъ трудно сживается, хотя нужно сказать, что хозяйничанье въ настоящее время можетъ быть тамъ и легче, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Такимъ образомъ намъ сдается, что доказательства, которыя обыкновенно приводятся противниками введенія заповѣдныхъ помѣстій въ Россіи, имѣютъ основаніемъ лишь превратное толкованіе характера и основнаго значенія русскаго дворянства.

Но можетъ ли быть оправдываемо вторженіе государства въ права частной собственности. Очевидно, что когда этого требуетъ общественное благо, то предѣловъ въ этомъ отношеніи государственной власти ставить нельзя. Кромѣ того тутъ надо имѣть въ виду характеръ той собственности, о которой идетъ рѣчь. Хотя ни одинъ кодексъ ни древнихъ временъ, ни новѣйшихъ не изъемлетъ земли изъ предметовъ, могущихъ быть полной собственностью частнаго лица и по видимому признаетъ за ними столь же полное право на владѣніе землей, какъ на всякую другую движимость или недвижимость, но на дѣлѣ во всякомъ мало-мальски организованномъ государствѣ, земельное владѣніе подвергается многочисленнымъ ограниченіямъ.

Такъ напримѣръ не имѣетъ права владѣлецъ измѣнять

русла рѣкъ, протекающихъ черезъ его землю, ниже засорять ихъ; по берегу рѣкъ долженъ онъ оставлять полосу земли для нуждъ судоходства; лѣсныя богатства, почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы и у насъ въ Привислинскомъ краѣ, въ сервитутныхъ имѣніяхъ могутъ быть эксплуатируемы лишь съ извѣстными ограниченіями, правильной постепенной рубкой оныхъ. Наконецъ владѣлецъ долженъ отводить мѣсто для проѣзжихъ дорогъ черезъ его имѣніе.

Отдавать въ аренду землю онъ можетъ только на извѣстные сроки и даже продать ее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не всѣмъ можетъ владѣлецъ ея. Такъ у насъ въ западномъ краѣ запрещено пріобрѣтать землю лицамъ польскаго происхожденія, а Указомъ 14 Марта нынѣшняго года въ пограничныхъ губерніяхъ не имѣютъ право ихъ пріобрѣтать ни даже владѣть ею по истеченіи 5 лѣтъ со дня наслѣдованія ея иностранные подданные.

Этимъ самымъ конечно отнимается у владѣльцевъ земли право совершенно свободно распоряжаться ею.

Изъ сказаннаго достаточно ясно видно, что земельная собственность никоимъ образомъ не можетъ быть подведена подъ одну категорію со всякой другой частной собственностью. И эти ограниченія земельнаго владѣнія не есть постановленія позднѣйшаго времени, а напротивъ существовали въ еще болѣе развитомъ видѣ въ періодѣ общинной жизни народовъ, когда земля прямо признавалась общественной и при постепенномъ распаденіи общиннаго владѣнія всѣмъ извѣстно, что земельная собственность всего долѣе удержала свой общественный характеръ. Да иначе и быть не можетъ: земля составляя собственно территорію страны, тѣмъ самымъ принадлежитъ всей совокупности лицъ, составляющихъ коренное ея населеніе и по этому естественно находится подъ контролемъ органовъ ея правительства. Тогда какъ владѣлецъ всякой иной собственности, уничтожая или приводя ее въ негодность, наноситъ тѣмъ ущербъ лишь самому себѣ, земельный владѣлецъ напротивъ, высасывая всѣ луч-

шіе соки земли, дѣлая ее неплодородной, преступникъ по отношенію къ другимъ ея обитателямъ, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ.

Всякіе предметы, составляющіе результатъ человѣческаго труда, непремѣнно со временемъ приходятъ въ ветхость, уничтожаются, и посему если и доставляютъ доходъ странѣ, въ которой они находятся, то только временно, но земля, какъ естественное богатство, при умѣломъ съ ней обращеніи приноситъ доходъ вѣчно, служитъ кормилицей безчисленнымъ поколѣніямъ и потому въ рукахъ ея владѣльца является какъ бы депозитомъ, который онъ обязанъ беречь.

Впрочемъ наше правительство очевидно вполнѣ раздѣляетъ эти взгляды, ибо гораздо болѣе радикальную и по видимому беззаконную мѣру, въ которой явно попирались владѣльческія права на землю, оно признало возможною и необходимою. Такой мѣрой былъ надѣлъ крестьянъ при ихъ освобожденіи помѣщичьей землей. Но въ виду того важнаго значенія для благосостоянія страны, которое имѣетъ существованіе въ ней богато надѣленнаго землей земледѣльческаго класса, т. е. крестьянства и вслѣдствіе явной невозможности сдѣлать изъ бывшихъ крѣпостныхъ голыхъ пролетаріевъ, эта часть реформы встрѣтила наименѣе возраженій. Сами помѣщики — лица пострадавшія вполнѣ поняли невозможность поступить инымъ образомъ. Сѣтовали они по утраченной власти, главнымъ же образомъ по исчезнувшему даровому труду, а никакъ не по отнятой землѣ.

Впрочемъ, въ законодательномъ отношеніи заповѣдныя имущества не будутъ у насъ явленіемъ новымъ. Какъ извѣстно они у насъ существуютъ и учрежденіе ихъ дозволяется. Но наши законы о заповѣдныхъ имуществахъ представляютъ просто сколокъ съ западно европейской маіоратной системы, т. е. закрѣпощаютъ за однимъ лицомъ не тотъ размѣръ земельной собственности, который наиболѣ выгоденъ для страны, а напротивъ вредныя для нея латифундіи,

забывая, что въ конституціонныхъ странахъ Европы они имѣютъ значеніе до извѣстной степени — въ смыслѣ сохраненія за дворянствомъ политическаго значенія, такъ какъ владѣльцы ихъ въ большинствѣ случаевъ по праву рожденія составляютъ верхнюю палату лордовъ въ Англіи, господъ въ Германіи и магнатовъ въ Австріи; естественно этимъ государствамъ важно было имѣть на этомъ посту сильный своимъ вліяніемъ въ странѣ консервативный элементъ.

Совсѣмъ иное дѣло у насъ. Мы неоднократно указывали, что наше дворянство какъ сословіе чуждо всякаго вліянія на ходъ дѣлъ государственныхъ. Оно исторически сложилось въ землевладѣльческій классъ съ полицейскими функціями надъ сельскимъ населеніемъ, иначе говоря съ сильной помѣстной властью. Вотъ этотъ то характеръ и нужно въ немъ поддержать. Но учрежденіемъ крупныхъ маіоратовъ этого никогда не достигнешь, — чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ меньше будетъ дворянъ на землѣ, тѣмъ хуже пойдетъ дѣло мѣстнаго управленія.

Впрочемъ мы должны сказать, что тотъ minimum, который опредѣленъ нашими законами для имѣній, могущихъ быть обращенными въ заповѣдныя близко подходитъ къ желаемой величинѣ, а именно имѣнія приносящія въ 10 лѣтней сложности средняго въ годъ дохода не менѣе 12 тысячъ. Но за то maximum, (200 т. руб, доходу, а въ исключительныхъ случаяхъ и болѣе) не можетъ быть ничѣмъ оправдываемъ.

Учрежденные у насъ до сихъ поръ маіораты почти всѣ достигаютъ этой колоссальной суммы доходности и въ такомъ видѣ являются не только безполезными въ смыслѣ образованія помѣстнаго дворянства, но даже вредными.

VI.

До сихъ поръ мы разсматривали лишь возраженія, которые обыкновенно раздаются въ обществѣ противъ заповѣд-

ныхъ помѣстій и старались по мѣрѣ силъ опровергнуть ихъ. Обратимся же теперь къ тѣмъ благимъ послѣдствіямъ, которыя должно оказать укрѣпленіе средпепомѣстнаго дворянскаго сословія и осѣдлость его въ деревнѣ помимо уничтоженія тѣхъ золъ, которые по нашему мнѣнію вызываютъ учрежденіе маіоратовъ.

Централизація у насъ за послѣднія десятилѣтія приняла столь грандіозные размѣры, что во всемъ нашемъ обширномъ отечествѣ, съ слишомъ сто милліоннымъ населеніемъ, кромѣ столицъ, развѣ такіе города какъ Кіевъ, Харьковъ и Одесса, благодаря присутствію въ нихъ университетовъ, а послѣдній преимущественно изъ за торговаго значенія его порта, могутъ похвастаться интелегентною жизнью.

Во всей остальной Имперіи, ея губернскихъ и уѣздныхъ городахъ жизнь проходитъ въ прозябаніи и пересудахъ. Столицы, привлекая всѣ лучшія соки страны, всѣ молодыя свѣжія силы поглощаютъ ихъ въ себя, но не отдаютъ обратно провинціи. При этомъ многіе и многіе изъ тѣхъ, которые могли бы принести значительную пользу, оставаясь въ провинціи, возвышая ея умственный и нравственный уровень, погибаютъ въ столицѣ, затянутые съ одной стороны въ водоворотѣ столичныхъ удовольствій, затертые съ другой въ толпѣ искателей мѣстъ, тратятъ свои лучшія молодыя силы, въ борьбѣ съ суровой подъ часъ нуждой. Наши земства, совершенно не оправдали надеждъ на нихъ возложенныхъ, главнымъ образомъ за отсутствіемъ достаточнаго количества дѣльныхъ людей въ провинціи. Нынѣшніе ихъ воротилы видятъ въ нихъ вовсе не учрежденіе существующее исключительно для разрѣшенія малыхъ, но въ сущности весьма важныхъ вопросовъ мѣстной жизни, о нуждахъ которой они должны заботиться, а поле для парламентаризма, при чемъ они повсемѣстно стараются играть въ оппозицію съ органами правительства. Тотчасъ по учрежденіи ихъ они стремились присвоить себѣ политическій характеръ, сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ муниципальныхъ совѣтовъ Франціи. По-

нятно, что правительство, вмѣсто помощи нашло въ нихъ помѣху для исполненія своихъ предначертаній. Въ послѣднее время они дѣйствительно нѣсколько утратили этотъ характеръ, но за то приняли едва-ли не худшій, а именно все чаще появляются въ печатіи извѣстія объ денежныхъ хищеніяхъ то въ томъ, то въ другомъ земствѣ. Это явленіе можно смѣло сказать происходитъ отъ проникновенія въ ихъ составъ въ замѣнъ прежнихъ пустыхъ фразеровъ и краснобаевъ, искавшихъ въ нихъ популярности—мѣстныхъ кулаковъ изъ купеческаго званія, увидавшихъ и въ земской дѣятельности возможность нагрѣть руки, стянуть кусокъ общественнаго пирога. Въ виду все увеличивающагося количества земли, переходящаго въ руки нашего третьяго сословія, порождающаго подобныхъ дѣятелей, можно ожидать, что въ скоромъ времени они съ помощью гласныхъ отъ крестьянъ, которыми они такъ ловко ворочаютъ, эксплоатируя ихъ невѣжество и пользуясь отсутствіемъ у нихъ безкорыстія, совершенно завладѣютъ земствомъ, а отъ этого хищенія общественныхъ суммъ конечно лишь усилятся. При закрѣпощеніи, такъ сказать, земли за маіоратистами и укрѣпленіи ихъ связи съ помѣстьями можно, надѣяться что и въ этомъ дѣлѣ произойдетъ значительный поворотъ къ лучшему.

Не менѣе важнымъ послѣдствіемъ этой мѣры явится также возстановленіе помѣщичьихъ усадьбъ, запущенныхъ нынѣ, вслѣдствіе абсентеизма ихъ владѣльцевъ. Эти старинныя гнѣзда русскихъ дворянскихъ родовъ прикрѣплявшіе ихъ владѣльцевъ вѣковыми преданіями къ землѣ, служили нѣкогда центрами культуры, не остававшейся безъ вліянія на крестьянъ, въ особенности въ смыслѣ обученія ихъ различнымъ ремесламъ. Маіоратистъ, зная, что имѣніе ему принадлежащее, сохранится за нимъ до конца дней его, а въ родѣ останется безконечно, не будетъ жалѣть ни труда своего, ни денегъ на усовершенствованіе способовъ обработки земли, давая этимъ поучительный примѣръ сельскому населенію, которое можетъ заимствовать у него многія по-

лезныя нововведенія. Обзаведется онъ вновь, какъ нѣкогда было у маломальски зажиточныхъ помѣщиковъ, своими столярными, слесарными и шорными мастерскими. Нынѣ эти ремесла настолько не развиты, что далеко не во всякой деревнѣ, вы увидите кузницу и можно проѣхать нѣсколько десятковъ верстъ не найдя человѣка умѣющаго сварить ось, —а кажется дѣло не мудреное.

Важное дѣло народнаго образованія — это обоюдо острое оружіе, могущее имѣть на крестьянство несомнѣнно благотворное вліяніе, но, находясь въ дурныхъ рукахъ, принести ему и много вреда, вслѣдствіе крайней впечатлительности и воспріимчивости одинаково дурныхъ и хорошихъ теорій невѣжественнымъ темнымъ людомъ нашихъ деревенскихъ захолустій — это дѣло будетъ имѣть бдительный надзоръ въ лицѣ маіоратиста.

Благотворное вліяніе оказываютъ несомнѣнно зажиточные дворяне силою обстоятельствъ прикрѣпленные къ землѣ и на сельское духовенство, которое постоянно встрѣчаетъ въ нихъ матеріальную и нравственную поддержку. Помѣщики наши, проживая въ городѣ, тратятъ всѣ доходы ими получаемые, зачастую даже и больше, исключительно въ немъ и кромѣ заработной платы за сельскіе работы, крестьянству не перепадаетъ ни единой крохи. Такимъ образомъ. обогощаютъ они исключительно торговое сословіе и даже за предметы первой неоходимости, добываемые сельскимъ населеніемъ, изъ высокой цѣны ими платимой продавцамъ крестьянину достается меньше нежели онъ получитъ продавая ихъ непосредственно потребителю помѣщику. Цѣнность денегъ и покупная ихъ сила далеко не одинаковы въ деревнѣ и въ городѣ. Несравненно труднѣе добываются деньги въ деревнѣ и большее значеніе получаютъ онѣ въ глазахъ человѣка наглядно уразумѣвшаго путемъ какого успленнаго труда извлекаются онѣ, такъ сказать, изъ земли. Эта видоизмѣненная ихъ цѣнность непремѣнно развиваетъ въ деревенскомъ жителѣ бережливость и разсчетливость, а намъ

неоднократно приходилось указывать, что это суть качества, совершенно чуждыя современному русскому дворянству.

Такимъ образомъ неисчислимы тѣ благія послѣдствія по отношенію ко всему сельскому населенію, какъ крестьянскому, такъ и дворянскому, къ которымъ можетъ привести заселеніе провинціи людьми зажиточными и образованными и притомъ обладающими высокимъ нравственнымъ уровнемъ. Къ этому то направлены всѣ наши помыслы и именно ради этого находимъ мы крайне желательнымъ учредить такіе заповѣдные участки земли, доходъ съ которыхъ позволилъ-бы ихъ владѣльцамъ зажиточно проживать въ деревнѣ, но лишалъ бы ихъ возможности жить въ городѣ, сообразно съ своими потребностями. Постараемся же точнѣе опредѣлить, что мы понимаемъ подъ нормальной величиной дворянскаго помѣстья.

Основаніемъ для этого мы возьмемъ не территоріальную величину, а главнымъ образомъ доходность. Нормальной помѣщичьей вотчиной будетъ такой участокъ земли который съ одной стороны можетъ быть вполнѣ и самостоятельно обработываемъ своимъ владѣльцемъ безъ большаго оборотнаго капитала, причемъ помѣщикъ могъ бы извлечь изъ него полную земельную ренту, а съ другой на столько доходенъ, что дастъ ему возможность жить сообразно съ своими потребностями исключительно съ его производительности и капитализировать десятую часть своихъ доходовъ въ пользу меньшихъ сыновей. Иначе говоря такой участокъ земли, который будучи раздробленъ принудитъ его владѣльца, искать себѣ помимо его побочныхъ средствъ къ существованію, а будучи увеличенъ превратить его въ человѣка, либо капитализирующаго значительную часть своихъ доходовъ, либо тратящаго ихъ на свои прихоти. Помѣстьями съ вполнѣ достаточнымъ доходомъ для помѣщика мы признаемъ приносящія среднимъ числомъ отъ 6 до 10 т. руб. въ годъ. Очевидно что по количеству десятинъ они будутъ чрезвычайно измѣняться сообраз-

но съ плодородностью мѣстности въ которой они находятся, а въ виду различной плодородности разныхъ полосъ Имперіи, придется для каждой полосы опредѣлить особый территоріальный minimum и maximum. Прежде всего опредѣлимъ тотъ раіонъ въ которомъ можетъ быть введено заповѣдное владѣніе. Особенности нашихъ окраинъ не дозволяютъ охватить ихъ означенной реформой, такимъ образомъ приходится выдѣлить изъ общаго пространства Европейской Россіи губерніи крайняго сѣвера—Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую, такъ какъ въ нихъ дворянское землевладѣніе занимаетъ такой малый процентъ всей площади земли, что учрежденіе въ нихъ маіоратовъ не дастъ никакихъ результатовъ. Затѣмъ губерніи приуральскія,—Оренбургская и Уфимская хотя и обладаютъ значительнымъ количествомъ дворянской земли, но вся она находится въ рукахъ нѣсколькихъ владѣльцевъ и вообще тамъ дворянское землевладѣніе въ періодѣ формаціи. Точно также мы находимъ неудобнымъ для нашей мѣры весь Кавказъ губернію Ставропольскую и Область войска Донскаго, вслѣдствіе совершенно особыхъ условій, въ которыя поставлено землевладѣніе въ этихъ мѣстностяхъ. Обращаясь къ западу мы прежде всего должны выкинуть изъ нашего раіона Остзейскія провинціи и Привислинскій край, гдѣ усиленіе дворянства, безъ того весьма состоятельнаго въ этой окраинѣ, является фактомъ весьма нежелательнымъ по политическимъ причинамъ. Обрѣзавъ такимъ образомъ по краямъ Европейскую Россію мы получимъ 39 губерній съ весьма значительнымъ дворянскимъ землевладѣніемъ, до сихъ поръ въ нихъ сохранившимся. Правда, что въ эти губерніи вошли и Западныя гдѣ преобразованы въ маіораты могутъ быть лишь помѣстья принадлежащія кореннымъ русскимъ владѣльцамъ, ибо въ виду сильнаго польскаго элемента въ этой мѣстности объявленіе всѣхъ дворянскихъ помѣстій заповѣдными могло бы повести къ усиленію вліянія польской шляхты на окружающее населеніе.

Что же касается до территоріальной величины заповѣдныхъ имѣній, то minimum ихъ въ наиболѣе плодородныхъ губерніяхъ опуститься при вышеуказанной доходности до 500 десятинъ, тогда какъ maximum достигнетъ въ сѣверныхъ лѣсныхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ до 1,500 и даже 2,000 десятинъ. Это будутъ такъ сказать предѣлы въ территоріальномъ объемѣ маіората. Такимъ образомъ мы видимъ что наши заповѣдныя помѣстья въ наименѣе плодородныхъ частяхъ Россіи достигутъ того размѣра, который обыкновенно признается за крупное владѣніе. Но на дѣлѣ это совершенно не такъ; чѣмъ производительнѣе земля, чѣмъ рента ея выше, тѣмъ интенсивнѣе ея культура, тѣмъ мельче можетъ она дробиться безъ уменьшенія ея производительности, по оборотъ чѣмъ земля неплодороднѣе, чѣмъ населеніе рѣже, тѣмъ отдѣльные участки земли обширнѣе, а сосредоточеніе большаго количества въ однихъ рукахъ понятнѣе. Если по внѣшнему признаку количеству владѣемой ими земли маіоратисты въ губерніяхъ неплодородныхъ и могутъ быть причислены къ крупнымъ землевладѣльцамъ, то по доходу ими получаемому они никакъ не примкнутъ къ этому разряду собственниковъ, никогда не получатъ характера магнатовъ.

Но намъ возразятъ, что не возможно опредѣлить доходность имѣній при быстрой измѣняемости земельной ренты. На это мы отвѣтимъ, что собственно говоря рента эта лишь фиктивно измѣняется, ибо сообразно съ нею измѣняется и покупная сила денегъ, что вполнѣ понятно. Доходность земли увеличивается и уменьшается сообразно съ измѣненіемъ цѣнъ на ея продукты, которые составляя предметы первой необходимости въ свою очередь обусловливаютъ цѣны на всѣ остальныя произведенія человѣческаго труда, такъ какъ стоимость труда колеблется въ связи съ цѣною на хлѣбъ. Безъ сомнѣнія доходъ съ

земли не можетъ быть ежегодно одинаковымъ, завися отъ измѣнчивыхъ атмосферическихъ вліяній, но мы и беремъ лишь ея среднюю доходность.

Непомѣрное и быстрое увеличеніе земельной ренты въ періодъ времени съ конца 60-хъ годовъ до конца 70-хъ въ связи съ значительнымъ пониженіемъ ея за послѣдніе годы вкоренило въ нашемъ обществѣ убѣжденіе, что доходность земли чрезвычайно измѣнчива, но если вникнуть въ причины этого явленія, то тотчасъ же выяснится, что увеличеніе доходности земли было лишь временнымъ, случайнымъ, (какъ оно скоро и оказалось) и апормальнымъ и что при правильномъ хозяйствѣ рента не подвергается сильному измѣненію. Дѣло въ томъ, что ко времени крестьянской реформы въ Россіи, еще существовали неизмѣримыя пространства дѣвственной земли, цѣлины, по которымъ плугъ не проходилъ спокопъ вѣка, что вполнѣ понятно при повсемѣстной экстенсивности прежняго способа земледѣлія. Помѣщики до отмѣны крѣпостнаго права часто довольствовались однимъ оброкомъ и всѣхъ земель не утизпровали. Но тотчасъ послѣ освобожденіи крестьянъ, въ періодъ дворянскаго смятенія и прожиганія нашими помѣщиками своихъ достояній, они пожелали воспользоваться и этимъ непочатымъ источникомъ доходовъ, но не имѣя достаточно средствъ, чтобы воздѣлывать эти громадныя, вѣковыя залежи собственными силами, они обратились къ арендаторамъ, тѣмъ съемщикамъ земель оптомъ о которыхъ мы говорили выше. Этимъ фактомъ кстати сказать отчасти и объясняется успленіе земледѣлія въ Россіи послѣ 1861 г. и увеличеніе нашего хлѣбнаго экспорта, хотя несомнѣнно громадную роль играло въ этомъ отношеніи проведеніе желѣзныхъ дорогъ.

Понятно что доходность имѣній увеличилась вслѣдствіе обработки всей площади удобной земли и увеличиться она должна была, но не настолько, какъ это произошло. Дѣло въ томъ что арендаторы снимая тучныя земли для посѣва на нихъ весьма цѣнныхъ продуктовъ, платили большія

цѣны, чѣмъ можно бы было дать при посѣвѣ обыкновенныхъ злаковъ, не истощающихъ земли. Воздѣлывая же ихъ нѣсколько лѣтъ подърядъ, не давая ей отдохнуть, подъ ленъ, просо, въ сѣверныхъ губерніяхъ, бѣлотурку, табакъ и баштаны въ среднихъ и южныхъ, они дисконтировали будущую доходность помѣстья, изъ года въ годъ истощали почву и въ нѣсколько лѣтъ значительно уменьшили ихъ ренту. Современная же доходность земли можетъ быть признана приблизительно нормальной. Пахатная земля въ хлѣбородныхъ губерніяхъ занимаетъ почти всю удобную для нея почву; дальнѣйшее же истощеніе ея конечно возможно, но отъ нея то мы и хотимъ оградить наше отечество. Понятно что маіоратисты будутъ стараться сохранить производительность своихъ помѣстій на будущее время, а не раззорять ихъ, зная что имѣніе оставаясь въ родѣ ихъ безконечно, предназначено кормить многія его поколѣнія.

Конечно существуютъ и другія причины кромѣ поднятія новыхъ земель подъ пашню и истощенія ихъ, отъ которыхъ доходность имѣній можетъ измѣниться; онѣ подраздѣляются на такія, которыя можно предвидѣть и на случайныя.

Къ первымъ относится приростъ населенія и увеличивающееся вслѣдствіе этого потребленіе земельныхъ продуктовъ. Но отъ этого доходность имѣній, въ которыхъ воздѣлывается вся земля увеличится весьма незначительно, такъ какъ на ряду съ этимъ, какъ мы уже указывали, дороже будетъ стоить рабочая сила, ихъ обработывающая. Ко вторымъ принадлежатъ такія случайности, какъ прохожденіе возлѣ имѣнія какой либо промышленной артеріи, появленіе въ близости его коммерческаго или общественнаго центра — и конечно нѣкоторые маіораты значительно увеличатся въ цѣнѣ; но запретить сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ значительныхъ богатствъ совершенно не мыслимо: большія состоянія всегда были и будутъ и мы вовсе

не незадаемся цѣлью ихъ совершенно уничтожить; намъ лишь важно, чтобы рядомъ съ ними существовали бы и средніе— а наши маіораты въ огромномъ большинствѣ случаевъ вовсе не грозятъ перейдти въ латифундіи. Въ самомъ дѣлѣ мыслимо-ли, что бы имѣніе хотя бы въ 2000 десятинъ, положимъ въ Смоленской или Вятской губерніи, когда либо-равнялось своей доходности съ существующими въ Европѣ маіоратами. Самое большое, что они удвоятъ, и то въ весьма отдаленномъ будущемъ, свой доходъ, а отъ этого все же не перейдутъ въ разрядъ крупныхъ помѣстій, а родъ ихъ владѣльцевъ, уже укрѣпившись въ нихъ, не измѣнитъ имъ ради увеличившихся доходовъ для удовольствій столицъ.

Что же касается до опредѣленія доходности имѣній для наложенія на нихъ заповѣди, то наиболѣе цѣлесообразнымъ намъ кажется поручить дѣло оцѣнки ихъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе ихъ утверждалось губернскимъ дворянскимъ собраніемъ. На безпристрастіе и добросовѣстность этихъ лицъ и собраній можно всего болѣе положиться. Это конечно представитъ значительную работу, но такъ какъ имѣнія будутъ обращаться (по нашему плану, какъ мы укажемъ) въ заповѣдныя постепенно, то это не завалитъ предводителей разомъ большимъ количествомъ подобныхъ оцѣнокъ.

Понятно что наши заповѣдныя помѣстья должны будутъ подвергнуться нѣкоторымъ особымъ ограниченіямъ, присущимъ этой формѣ владѣній на западѣ. Лѣса на нихъ находящіеся могутъ быть эксплуатируемы исключительно правильной рубкой (мѣра насколько намъ извѣстно проектируемая для общаго примѣненія во всей Имперіи). Находящіеся при нихъ сельско-хозяйственные инвентари обязательно прикрѣпостить къ помѣстью. Наконецъ, небезполезно было бы запретить владѣльцамъ этихъ имѣній, отдавать болѣе одной трети ихъ въ аренду, что также повліяетъ на прикрѣпленіе маіоратистовъ къ землѣ.

Между прочимъ тутъ же кстати возразить тѣмъ, кото-

рые замѣтятъ, что положеніе маіоратистовъ будетъ весьма тяжелымъ, такъ какъ имъ не будетъ доступенъ правильный земельный кредитъ и что если при этомъ имъ не разрѣшатъ отдавать свои земли въ аренду, то имъ придется отказаться отъ обработки земли и полученія съ нея доходовъ. Конечно извѣстный оборотный капиталъ весьма облегчаетъ сельское хозяйство, но лишь въ томъ случаѣ, когда этотъ капиталъ составляетъ собственность хозяина, а не занятъ имъ, и по немъ приходится платить проценты. Опытъ доказалъ, что имѣніе заложенное, въ большинствѣ случаевъ погибаетъ.

Совсѣмъ иное дѣло краткосрочныя ссуды подъ снятые съ корня земельные продукты. Онѣ могутъ принести во многихъ случаяхъ значительную пользу, давая возможность землевладѣльцу выдержать свой хлѣбъ въ ожиданіи установленія цѣнъ, освобождая его отъ необходимости немедленной реализаціи своего урожая, для уплаты работъ по воздѣлыванію озимыхъ полей и для собственныхъ расходовъ; необходимость эта отдаетъ его въ руки купца хлѣботорговца, пользующагося его положеніемъ, что бы купить его хлѣбъ за полъ цѣны. Сыромолотное дворянство — мѣткое прозвище, которымъ окрестили помѣщиковъ, принужденныхъ тотчасъ по уборкѣ хлѣба, обмолотить и продать его.

Наконецъ возможно разрѣшить закрѣпощать при маіоратѣ небольшія суммы, доходъ съ которыхъ могъ бы служить оборотнымъ капиталомъ, но не превышалъ бы одной пятой высшей стоимости, помѣстья, дабы опять таки маіоратисты не превратились въ капиталистовъ.

Намъ остается опредѣлить способъ введенія у насъ маіоратовъ.

При этомъ приходится имѣть дѣло съ двумя весьма важными практическими препятствіями. Первое изъ нихъ —невозможность учредить маіораты изъ всѣхъ помѣстій, нынѣ представляющихъ нормальную величину. Очевидно, что по отношенію къ настоящимъ наслѣдникамъ in spe этихъ имѣній, нельзя поступить такимъ же образомъ, какъ по от-

ношенію къ меньшимъ сыновьямъ будущихъ маіоратистовъ, т. е. лишить ихъ всякаго наслѣдства, въ виду того, что это съ одной стороны сразу породитъ обширный классъ людей обманутыхъ въ своихъ законныхъ ожиданіяхъ и посему справедливо недовольныхъ правительствомъ за проведеніе столь крутой по отношенію къ нимъ мѣры, а во вторыхъ эти лица не воспитаны, такъ какъ должны быть и несомнѣнно будутъ сыновья людей, знающихъ, что кромѣ своихъ сбереженій и основательнаго образованія, соотвѣствующаго будущему имущественному положенію ихъ младшихъ наслѣдниковъ они ничего дать имъ не могутъ. Наконецъ нынѣшніе наслѣдники, въ случаѣ лишенія ихъ правъ наслѣдства на помѣстья ихъ отцовъ, и денежныхъ сбереженій въ громадномъ большинствѣ случаевъ не получатъ, такъ какъ родители ихъ этими сбереженіями не обладаютъ. Поэтому мы и не проектируемъ возведенія въ маіоратистовъ всѣхъ дворянъ, нынѣ владѣющихъ нормальными, какъ мы ихъ называемъ, участками земли, а лишь дворянъ наслѣдовавшихъ по приведеніе въ дѣйствіе этой землевладѣльческой реформы, таковые или бо́льшіе земельные участки и закрѣпощаемъ ихъ за ними и за ихъ родомъ въ самый моментъ полученія наслѣдства, при чемъ у дворянъ, наслѣдовавшихъ бо́льшіе участки земли—обращается въ заповѣдное лишь то количество, которое достаточно для образованія предлагаемаго нами маіората, всѣмъ же остальнымъ они владѣютъ на общемъ основаніи и слѣдовательно могутъ завѣщать своимъ меньшимъ сыновьямъ. Эти послѣдніе въ свою очередь также превратятся въ маіоратистовъ въ случаѣ, что завѣщенное имъ помѣстье подходитъ подъ опредѣленную нами доходность отъ 6 до 10 т.

Такимъ образомъ дѣло происходитъ до тѣхъ поръ, покуда владѣемое нынѣ однимъ лицомъ имѣніе не раздробится на столько частей, сколько въ немъ нынѣ находится маіоратныхъ единицъ или не прекратится законодательнымъ порядкомъ, когда у насъ на Руси настолько окрѣпнетъ

и разовьется дворянское землевладѣніе, что дальнѣйшее учрежденіе неотчуждаемыхъ помѣстій будетъ дурно отражаться на благосостояніе другихъ землевладѣльческихъ сословій.

Ко всему этому нужно прибавить, что при закрѣпощеніи отдѣльныхъ частей крупныхъ имѣній обязательно будетъ соблюдать нѣкоторыя особыя условія, такъ напримѣръ закрѣпощать преимущественно передъ другими ту часть ихъ, на которой находится усадьба.

Второе практическое препятствіе къ осуществленію предлагаемой нами мѣры, это задолженность имѣній. Спрашивается какъ поступить съ таковыми? Прежде всего мы думаемъ, что тѣ имѣнія, которыя будутъ обращаться въ заповѣдныя, превышая нынѣ по крайней мѣрѣ тысячу десятинъ, вообще говоря, менѣе обременены долгами чѣмъ мелкія и среднія. Но очевидно, что и между ними найдется достаточное количество задолженныхъ имѣній. Вопросъ сводится къ тому, исключить ли ихъ изъ числа обращаемыхъ въ заповѣдныя или изыскать какія либо средства для облегченія ихъ задолженности и не смотря на нее распространить и на нихъ принципъ заповѣдности. Во всякомъ случаѣ нужно собрать точныя свѣдѣнія о количествѣ свободныхъ отъ долговыхъ обязательствъ помѣстій, чтобы опредѣлить, возможно ли ограничиться наложеніемъ лишь на таковыя заповѣди или же въ виду ихъ малочисленности придется распространить эту мѣру и на задолженныя, такъ какъ въ нномъ случаѣ она не достигнетъ никакихъ серьезныхъ результатовъ. Вопросъ объ изысканіи средствъ для облегченія задолженности землевладѣльцевъ весьма сложный. Подробное разсмотрѣніе его завлекло бы насъ слишкомъ далеко; но во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что правительство могло бы придти какимъ либо образомъ на помощь этимъ помѣщикамъ. Наиболѣе цѣлесообразнымъ намъ представляется переводъ лежащихъ на нихъ долговъ въ дворянскій земельный банкъ съ тѣмъ,

чтобы съ этихъ имѣній процентъ былъ бы еще нѣсколько уменьшенъ.

Затѣмъ возможно бы было наложеніе на нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ при исправильномъ поступленіи процентовъ опеки, а въ крайности продажа ихъ въ другія руки, но не иначе какъ дворянскія съ сохраненіемъ этихъ имѣній въ разрядѣ заповѣдныхъ.

Мы лично полагаемъ, что обращеніе исключительно свободныхъ отъ долговъ помѣстій въ заповѣдныя, дастъ уже значительные результаты. Мы видѣли что земля въ крупномъ владѣніи представляетъ почти $^3/_4$ всей дворянской земельной собственности или 48 милліоновъ десятинъ, при чемъ по губерніямъ она распредѣляется сравнительно равномѣрно въ отношеніи ихъ территоріальнаго объема. Тотъ же фактъ, что составъ ихъ владѣльцевъ сравнительно малочисленъ, не можетъ быть доказательствомъ ихъ безцѣльности, число владѣльцевъ по раздробленіи имѣній до нормальной величины очевидно весьма умножится, а присутствіе въ уѣздѣ хотя бы нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ интелигентныхъ, образованныхъ и имѣющихъ власть и вліяніе на окружающее населеніе, не можетъ остаться безъ полезныхъ послѣдствій.

Резюмируя все вышесказанное мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Острые недуги, которыми нынѣ страдаетъ наше сельское хозяйство, какъ крестьянское, такъ и дворянское, возможно излечить исключительно укрѣпленіемъ мѣстной власти и большимъ распространеніемъ ея бдительнаго надзора повсемѣстно во всей Имперіи, такъ какъ безначаліе ихъ истинный корень. Власть эту возвозможно поручить лишь дворянству и притомъ преимуще-

ственно среднепомѣстному, но оно нынѣ находится въ положеніи далеко не процвѣтающемъ и грозитъ совершенно исчезнуть, вслѣдствіи постояннаго дробленія земли поровну между наслѣдниками. Усиленіе его необходимо. Единственной цѣлесообразной мѣрой для этого является учрежденіе заповѣдныхъ помѣстій опредѣленной величины. Эти помѣстья, не представляя невыгодъ западной маіоратной системы, будутъ заключать въ себѣ всѣ ея хорошія стороны.

Маіоратисты создадутъ твердый оплотъ охранительнаго порядка, явятся дѣятельными помощниками правительства въ провинціи.

При этомъ мы утверждаемъ, что введеніе принципа заповѣдности на указанныхъ нами основаніяхъ не только не противорѣчитъ духу нашей страны, но вполнѣ соотвѣтствуетъ ему и хотя въ иной формѣ практиковался въ былыя времена русской исторической жизни. Разница заключается лишь въ томъ, что въ Московскомъ Государствѣ меньшіе сыновья прокормлялись за извѣстную службу помѣстьемъ жалуемымъ имъ отъ правительства, а нынѣ представляя собою личный составъ администраціи страны будутъ содержаться получаемымъ на службѣ денежнымъ жалованьемъ.

Что же касается до практическихъ затрудненій для осуществленія предлагаемой нами мѣры, то они несомнѣнно существуютъ, но не являются непреодолимыми. Крестьянская реформа представляла несравненно большія, что не помѣшало ея проведенію въ дѣйствіе и притомъ чрезвычайно быстрому, чѣмъ и можетъ быть отчасти объяснена многочисленность порожденныхъ ей недуговъ. Мы глубоко убѣждены, что ихъ было бы значительно меньше и они недостигли бы тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, съ которыми нынѣ приходится бороться, если бы эта реформа не была выработана столь скороспѣло, а введена столь круто и внезапно. Заповѣдныя же помѣстья могли бы учреждаться постепенно. Это не только облегчило бы ихъ

введеніе, но и дало бы возможность поступать болѣе осмотрительно, приноравливаясь на практикѣ мало по малу къ дѣлу ихъ учрежденія.

Толки же о томъ, что наше дворянство—сословіе вымершее, обреченное на окончательную погибель, равно какъ высокопарныя фразы объ отжитыхъ сословныхъ привилегіяхъ и невозможности основать прочное административное и соціальное зданіе на давно истлѣвшихъ феодальныхъ основаніяхъ, имѣютъ подкладкой лишь ненависть нашихъ псевдолибераловъ къ высшему классу общества. Оживить сословіе органически разлагающееся невозможно, но излечить раны, насильственно ему нанесенныя—вполнѣ исполнимо.

У насъ уже стремились въ печати доказать полную нецѣлесообразность проектируемой правительствомъ передачи мѣстнаго управленія въ руки дворянъ помѣщиковъ и даже высказывалось, что цѣль этой мѣры состоитъ вовсе не въ упорядоченіи сельскаго строя, а въ возстановленіи экономическаго и соціальнаго значенія дворянъ. На дѣлѣ это можетъ быть окажется однимъ изъ послѣдствій этой важной роформы, но никакъ не ея основаніемъ; причина же того, что выборъ правительства палъ именно на это сословіе гораздо проще объяснить тѣмъ, что оно единственное, которому можно поручить это важное для благосостоянія страны и охраненія въ ней законнаго порядка дѣло. Мы достаточно испытали благодѣянія всевластія разночинцевъ,—пора взяться за умъ и возстановить соціальное значеніе дворянства. Говорить же объ отсутствіи дѣятельности его представителей, когда у нихъ отняли всякую почву для нея, смѣшно — это равносильно тому, если бы кто удивлялся, что птица съ подрѣзанными крыльями потеряла способность летать.

Между тѣмъ съ дворянствомъ не только произвели эту операцію, но кромѣ того ввели въ него такіе элементы, которые дѣйствительно за частую ни къ чему не при-

годны. Мы говоримъ о легкомъ доступѣ въ ряды этого сословія открытомъ всѣмъ разночинцамъ путемъ выслуги до соотвѣтствующаго чина или ордена, равно какъ обогатившимся всякими правдами и неправдами аферистамъ. Не замкнуть это сословіе мы хотимъ, но оградить его отъ наплыва чуждыхъ ему элементовъ, вносящихъ въ него лишь духъ къ наживѣ и спекуляціи. Что русское дворянство переживаетъ нынѣ тяжелый кризисъ не подлежитъ сомнѣнію, но самый фактъ, что оно еще не совершенно обнищало и исчезло доказываетъ его живучесть. Со времени 1861 г. всѣ усилія были направлены къ его уничтоженію. Само правительство не осталось чуждо этому направленію и лишь въ послѣдніе годы замѣтна извѣстная реакція. Но до сихъ поръ она выразилась исключительно въ мѣрахъ палліативныхъ.

Мѣстная реформа будетъ безъ сомнѣнія значительнымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Но все же дѣйствительныхъ результатовъ можно достигнуть лишь еще болѣе рѣшительными мѣрами. Учрежденіе заповѣдныхъ помѣстій несомнѣнно будетъ такой мѣрой.

Село Вознесенское.

12 Августа 1887 г.